

ОЛЬГА ХОВАНЧУК: ЖИВЫЕ КРАСКИ ЯПОНИИ

Избранные статьи, лекции, заметки 2003-2011 годов

Источник – <http://ru-jp.org>

Содержание

РЕКЛАМА - ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА (2003)

НОВЫЙ ГОД В ЯПОНИИ (2003)

ЯПОНСКИЙ ОФИС, ИЛИ КРИК ДУШИ РУССКОГО СТАЖЕРА (2004)

ЮНОШИ БЛЕДНЫЕ СО ВЗОРАМИ ГОРЯЩИМИ... (2004)

СПАСИТЕ, ТОНУ! (2004)

О СКОЛЬКО НАМ ЗАКУСОК ЧУДНЫХ ГОТОВИТ... (2004)

ВАРНИНГ, ПИПЛЫ! (2004)

ШУТКА ЮМОРА (2004)

ЯПОНСКИЙ ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ (2004)

ДИАЛОГИ ПО-ЯПОНСКИ (2004)

«РОЖДЕННЫЙ РАНЬШЕ» (2004)

ПИСЬМА ЛИЧНО НА ПОЧТУ НОШУ... (2004)

ВНЕДРЯЙТЕ КУЛЬТУРКУ... (2004)

ЧУДЕСА В УЗЕЛКЕ (2004)

ВОДА, ВОДА, КРУГОМ ВОДА! (2004)

ПРАЗДНИКИ И БУДНИ БОГОВ (2004)

ОПЕРАЦИЯ «Ы» ИЛИ ЯПОНСКИЕ БИЗНЕСМЕНЫ ВО СНЕ И НАЯВУ (2005)

А ДОРОГА СЕРОЮ ЛЕНТОЮ ВЬЕТСЯ... (2005)

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ... (2005)

ОДЕЖДА В МИРОВОЗЗРЕНИИ ЯПОНЦЕВ (2005)

ЭПОХА МЭЙДЗИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ ЯПОНСКОГО КОСТЮМА (2006)

ТРАДИЦИОННЫЕ ЯПОНСКИЕ ОРНАМЕНТЫ - ЗНАЧЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ (2009)

ЯПОНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА И КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (2009)

НИСИДЗИН – «СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ» ЯПОНСКОГО ТКАЧЕСТВА (2010)

ОДЕЖДА В ТРАДИЦИОННЫХ ЯПОНСКИХ ИСКУССТВАХ (2011)

РЕКЛАМА - ДВИГАТЕЛЬ ПРОГРЕССА (2003)

*Конечно, японскую рекламу надо видеть,
но все же попробуем разобраться с ней на словах*

Как известно, реклама бывает разная: наружная, газетная, телевизионная и т.д. и т.п. Первые два вида мало отличаются от того, что мы привыкли видеть на улицах российских городов и в печатных изданиях. Можно встретить и потрепанный погодой, поржавевший и выцветший рекламный щит Coca-Cola, и великолепную неоновую рекламу какой-нибудь автомобильной компании. В газетах и журналах тоже помещают огромное количество красочно оформленной рекламной информации. В общем-то, ничего особенно удивительного.

Что касается телевизионной рекламы, то тут разговор особый. Разные компании имеют разные финансовые возможности для создания рекламы своей продукции и деятельности. Есть простые ролики страховых компаний и высокотехнологичные сюжеты о спортивных товарах с эффектами не хуже, чем во «Властелине колец».

Большинство роликов сопровождается песней или мелодией, которую специально создают для этого или подбирают из существующего мирового аудиоарсенала.

Ненавязчивый легко запоминающийся мотив тоже играет на руку рекламодателя - не только картинка и слова воздействуют на потенциального клиента, но и музыка ассоциируется с товаром. Рекламные слоганы используют не так часто, как в нашей рекламе, по крайней мере, на память приходит не так много, например такой «Drive your dreams. Toyota.». Вместо слогана выступает просто название фирмы.

Есть еще один интересный рекламный прием, связанный с особенностями японского языка. Для того, чтобы телефонный номер рекламируемой компании легче запоминался, первые буквы названия цифр составляют в слова. Так, например, во фразе «Прекрасное молоко» (ОМИГОТОМИРУКУ) скрывается номер 03-510-369. Страховая компания, представляя свои услуги, выбрала телефон 0120-840-840, последние шесть цифр которого складываются в слова «Беги-беги» (ХАСИРЭ-ХАСИРЭ), призывая скорее бежать именно сюда.

Чаще всего рекламируют пищевые продукты, медицинские препараты, витамины, средства от домашних паразитов, автомобили и косметические средства. Помните, как говорили, что в России три беды: кариес, перхоть и критические дни. Япония не отстает. Здесь никому покоя не дает грибок, аллергия, холестерин и тараканы. Как-то аж страшно становится за них, ну, т.е. за японцев, конечно.

Но поражают даже не эффекты, которые видишь на экране, а сама подача информации. Насмотревшись вволю японской рекламы, понимаешь - нет ничего «белей и пушистей» на свете. Только в Японии взрослые люди, переодетые в пасхальных зайчиков, будут рекламировать продукцию птицефабрики некоего города и убеждать, что именно в этих яйцах больше кальция, «который так необходим зубкам моих маленьких зайчат». На телеэкране появляются пчелки, тюлени, птички, лошади и даже блохи и агитируют покупать фотоаппараты, есть чипсы, играть на тотализаторе и т.д. Для наших абсолютно непонятно, как можно так много кривляться и валять дурака, но именно это срабатывает в случае с японским потребителем и отнюдь не является чем-то глупым. Иногда снимают кукольные и мультяшные ролики.

Есть в японской рекламе и эротизм, однако он очень сильно отличается от того эротизма, который мы привыкли видеть на российских экранах. Полностью обнаженного женского тела, как, например, в рекламе гелей для душа «Fa», на японском телевидении почти не увидеть - рекламу ведь смотрят и маленькие дети. Поцелуй на экране — это вообще немыслимая вещь. К обнаженному мужскому телу относятся проще, хотя и его запечатлевают в рекламе не так часто.

Теперь о тех, кто снимается в рекламе. Конечно, штатные статисты есть и их много - назовем их «моделями». При этом есть модели, которые снимаются в полный рост со всех сторон, а есть модели, их называют «частичными», которые для съемки в рекламе предоставляют только определенные части тела. Девушка может быть не очень красива лицом, но обладает идеальной формой ног или прекрасно ухоженными руками и т.д. За съемки ей платят не меньше, чем другим моделям. То же относится и к мужчинам.

Очень часто снимаются европейские модели, например, в рекламе одежды, престижных автомобилей и ювелирных украшений. Японцы трепетно относятся к европейской культуре и постоянно копируют ее или заимствуют какие-то ее элементы, что является очень престижным. Поэтому, рекламируя одежду на европейских моделях, производители поднимают уровень продаж.

Однако чаще всего в рекламе появляются ГЭЙНОДЗИНЫ. Спросите, кто это такие? А вот есть такие «творческие люди» («гэйно» - сценическое искусство, «дзин» - человек), которых все знают в лицо. Это музыканты, певцы, актеры, конференсье и другие артисты. При этом нередко каждый из них одновременно и очень активно занимается разными видами сценической деятельности, так что даже нельзя точно сказать, кто он (она) сперва - актер или певец. Это кумиры, которым многие стремятся подражать, и покупка тех товаров, что они рекламируют, это своего рода еще одна возможность показать свою любовь к какому-либо артисту.

И последнее отличие японской рекламы от российской - она не надоедает. Рекламные ролики часто меняются, и смотреть их даже интересно. А может быть, просто так кажется.

Ольга Хованчук

НОВЫЙ ГОД В ЯПОНИИ (2003)

Прежде всего, конечно, разделим все-таки Рождество и собственно Новый год. Хотя в Японии очень мало христиан каких бы то ни было конфессий, Рождество 25 декабря отмечается повсеместно. Предпраздничные приготовления начинаются за месяц до праздника. Появляются елочки, Санта-Клаусы и прочие атрибуты европейского Рождества. Целый месяц весь этот блеск радует местных жителей (или не радует) и заставляет европейцев и американцев вспомнить о Родине. Однако этот прекрасный праздник существует, так сказать, только снаружи. В душе же большинству японцев он глубоко безразличен. Для них Рождество ассоциируется только с эстетизмом, т.е. не вызывает больших эмоций, чем просто «КРАСИВО».

Традиционным рождественским блюдом в Японии является, наверное, Kentucky Fried Chicken, т.е. жареная курица. Кроме того, несколько лет назад одна японская певица исполнила под Рождество свою новую песню о том, что она благодарна этому празднику, т.к. ей посчастливилось встретить любимого. С тех пор и Рождество в Японии считается днем влюбленных, а отнюдь не только 14 февраля. Если подарки все же покупают и дарят, то семейного застолья обычно не бывает. Но, несмотря на это, индустрия Рождества приносит всем немалые доходы. Рождественские скидки есть в большинстве крупных универмагов, и начинаются они не до, а после праздника, так что их скорее можно назвать предновогодними.

А родной Новый год все-таки ближе сердцу, поэтому уже 26 декабря вряд ли можно где-нибудь увидеть хоть одну даже маленькую елочку. Рождества будто и не было вовсе. Зато появляются уже чисто японские, традиционные новогодние украшения, каждое из которых несет свой смысл и является добрым пожеланием «всяк сюда входящему». Главный символ Нового года - это рисовые лепешки. Их обычно кладут две, одна на другую, обе белые или розовую и белую. Следующее украшение - КАДОМАЦУ; его ставят перед входом в дом, и состоит оно из веток сосны, бамбука и сливы. Грабли - символ успеха в бизнесе - дарят всем у кого есть свое дело, даже если это всего лишь автомат для производства сахарной ваты. Преобладающие цвета праздника - красный (розовый) и белый - пожелание счастья. Сосна (заметьте, не ель) - пожелание долголетия. Черные бобы - символ здоровья, сушеная хурма - духовного совершенствования.

Вообще Новый год в Японии — это многодневный ритуал. Японцы довольно суеверные люди, поэтому, чтобы следующий год был, по крайней мере, не хуже предыдущего, надо встретить его как положено. Съесть определенный набор продуктов, помолиться кому следует - и все будет хорошо.

В Киото, старой столице Японии, традиции чтят ревностнее, чем в каком-либо другом месте. 31 декабря город полон людей, улицы относительно пустеют только к 4-5 часам утра. В этот день все идут в буддийский храм, проводить старый год, поблагодарить богов за все хорошее и попросить счастья на последующие 365 дней. Там монахи бьют в огромный храмовый колокол. Удары рассчитаны так, что последний раздаётся ровно в полночь. Каждый удар олицетворяет очищение от грехов прошлого года. 1 января все спешат в синтоистское святилище, поздравляют местное божество с Новым годом и просят покровительства в будущем.

Каждый бросает монетку на алтарь и хлопает несколько раз в ладоши. Вот всем богам отдали честь, а теперь пусть только попробуют не выполнить то, о чем их попросили! Кроме этого, покупают ОМИКУДЗИ, небольшие предсказания на будущий год, и «стрелы счастья», которые хранят дома до следующего года.

И еще немного о традиционных новогодних забавах. Там, где есть снег и лед, соответственно, забавляются со снегом и льдом. Лепят снеговиков (конечно, своих японских, без всяких там морковных носов) и делают ледяные скульптуры. Ну, а там, где снега нет, не очень-то и хотелось. Дети и взрослые играют в волан и карты. Однако наш подход к карточной игре здесь неуместен. Японские карты поэтические, т.е. чтобы в них играть, надо сначала выучить сто стихотворений, чтобы суметь найти парные карты. Еще одно популярное развлечение - запуск воздушных змеев.

Самое интересное, что японцы никогда не поздравляют друг друга «С наступающим». Поздравляют только с наступившим Новым годом, чтобы не сглазить и не спугнуть счастье.

Так что «С Наступившим» вас, господа, и пусть он будет лучше, чем предыдущий!

Ольга Хованчук

ЯПОНСКИЙ ОФИС, ИЛИ КРИК ДУШИ РУССКОГО СТАЖЕРА (2004)

...Начало рабочего дня. Все тихо сидят за чтением газет, и только слышно, как стонет бумага, когда ножницы безжалостно режут беззащитную плоть газетного листа с понравившейся статьей. После того, как всё нужное вырезано, можно приступать к работе.

Японский офис — это тюрьма для всех, кто в нем находится, то есть сидит. Самое ужасное то, что половина того, что в нем находится и делается - абсолютно бесполезные и ненужные вещи, действия, а, главное, люди.

Все листочки переписаны несколько раз, на каждом проставлены номерки, номерки занесены в таблички, разложены по папочкам, которые в свою очередь переписаны, имеют циферки в рамочках и все это в папочках. Все вопросы обсуждаются с начальством, причем не на прямую, а через нескольких человек. Я иду к моему начальнику, тот к своему, тот свой к главному. Главный отвечает, и все повторяется в обратном порядке. Потом следует долгое утрясение по телефону, опять пишутся различные бумажки, проходящие все стадии вышеизложенной регистрации.

Листочки, циферки, телефонные звоночки - и вдруг - все замирает, и звук постоянных разговоров сменяется не менее дружным и громким чавканьем. Время обеда! Никто не имеет права посягнуть на эту святыню. Всё одновременно приходит в движение. Вся Япония одновременно стоит в очереди, потом также одновременно переваривает бенто, купленное в ближайшем магазине. Чавканье и прихлебывание царит по всей стране. Но, как известно, делу время, а отпуск бывает только раз в году. Обед заканчивается, и вновь с шарканьем расползаясь по своим норкам-офисам все продолжают имитировать бурную деятельность до позднего вечера.

... И опять листочки, циферки, звоночки...»

Этот небольшой кусочек записанных мыслей родился три года назад во время стажировки в префектуральном управлении Киото. Тогда все увиденное показалось очень странным и немного раздражающим, теперь же вызывает только улыбку.

Так как это был офис достойного учреждения, да еще и международный отдел, то все его служащие должны были читать прессу, чтобы быть в курсе событий в мире. Каждый читает то, что ему положено. Газетами в офисе снабжают бесплатно. Секретарь отдела тоже прочитывает газеты, вырезает статьи, связанные с деятельностью международного отдела, и подшивает их в папки. С этой подшивкой должны ознакомиться все работники офиса.

Вообще система внутреннего оповещения очень интересная. Например, организуют новое мероприятие. Подробный план мероприятия и полный пакет бумаг по этому поводу снабжается списком, в котором напротив своей фамилии каждый должен поставить личную печать, что он ознакомлен с документами и т.д. Такое оповещение позволяет тихо и быстро поставить всех в известность о чем-либо, будь это прием делегации или совместная поездка на отдых.

Работники офисов - сарариманы (от англ. salary + man) - приходят на работу рано, уходят поздно и практически не принадлежат себе. Дзангё - внеурочная работа - стала отрицательной чертой японских предприятий. На европейских предприятиях считается, если служащий остается на рабочем месте сверх установленного времени, то он не справляется со своими обязанностями. На некоторых японских предприятиях переходят на такую же систему и запрещают «дзангё», но среди самих служащих это нововведение приживается крайне плохо. В мире говорят о феномене японского трудолюбия. На самом деле у этого есть и обратная сторона. Многие служащие говорят, что трудятся так много из-за чувства долга, потому что их отцы тоже так трудились. Такая работа становится иногда причиной смерти от переутомления. А в период нынешнего экономического кризиса, боясь потерять место, многие вынуждены брать на себя непосильное количество работы.

Выполняемая работа в некоторых случаях действительно бывает абсолютно бесполезной. Например, поразил один случай, когда служащая отправляла новогодние открытки за границу. Она напечатала адреса, приклеила марки на конверты, и вот тут начался сложный процесс подсчитывания марок. Она посчитала их по нескольким параметрам: сколько марок всего потрачено, сколько марок каждого достоинства, сколько конвертов по одной цене, на каких конвертах наклеен одинаковый комплект марок и т.д. Все это заняло около 30 минут. По нашим меркам это был просто немыслимый факт. Конечно, такое происходит не каждый день и, в общем-то, не все так запущено, но это то, с чем не может смириться наша душа. Благодаря такой «работе» служащие могут проводить много времени в офисе, отдавая дань общественным традициям.

Еще одна традиция - нэмаваси - утрясание какого-либо вопроса на разных уровнях руководства. Самый младший клерк не может напрямую обратиться с вопросом к начальнику отдела. Он должен спросить у того, кто стоит ступенькой выше и т.д. Если вдруг угораздило перескочить через какое-то звено, вас быстро поставят на место и отправят туда, откуда вы пришли. Обычно все утрясание происходит в письменном виде, проходя этапы регистрации и внутреннего оповещения. Подтверждение информации получают по телефону. Система работает медленно, но чрезвычайно стабильно. Она позволяет исключить случайность и неосведомленность.

Обед в офисе тоже подчиняется иерархической системе. Только начальник отдела и начальник секции может позволить себе заказать обед в офис. Это положено по статусу и довольно дорого для рядовых сотрудников.

Они в свою очередь обедают в столовой, покупают готовый обед в магазине или идут в ближайший ресторанчик, где их уже знают как завсегдатаев. Некоторые приносят обед из дома.

С полудня до часу дня каждый делает, что хочет. Некоторые проводят обед активно: пробежка по ближайшему парку, партия в волейбол и т.д.

Отпуск длится 14 дней. Его можно отгулять сразу или брать отгулы в течение всего года. Отпуска без содержания не бывает. Благо, что в Японии много государственных праздников, которые являются выходными днями. Так что в общей сложности где-то месяц все-таки набирается.

В 5 часов вечера начинает играть мелодия - рабочий день закончен, но никто не двигается с места. Уйти можно только в 17:15. Это знак уважения по отношению к тем, кто остается. Младшие служащие могут уходить раньше своих начальников. Труднее всего приходится начальникам секций: они приходят раньше всех и уходят позже всех.

Что поделать - традиция...

Ольга Хованчук

ЮНОШИ БЛЕДНЫЕ СО ВЗОРАМИ ГОРЯЩИМИ... (2004)

Студенты, студентки. Милые, замечательные, загадочные и неповторимые японские студенты и школьники. Так и хочется задать один единственный, но постоянно волнующий вопрос: «О, что же нужно сделать, чтобы смыть с ваших лиц это постоянно замороженное выражение?!»

Любая информация воспринимается с абсолютно беспристрастным видом, ничто не может возмутить этого беспредельного спокойствия. Безусловно, невозможно узнать мысли и чувства, скрывающиеся под этой маской. Но перед ней иногда совсем теряешься, и тогда уже нет никакого дела до чужих чувств.

Большинство учащихся учатся только ради престижа, чтоб поступить в хорошую школу, закончить известный университет. Об искреннем желании посвятить себя какому-либо виду деятельности не может быть и речи. Только имя, громкое имя учебного заведения играет роль, поэтому и случаются казусы.

Например, выпускник сельскохозяйственного факультета токийского университета приходит устраиваться на работу в банк, и его берут, в то время как выпускника факультета банковского дела не берут, т.к. он закончил, к примеру, университет Саппоро. А потом японцы еще и удивляются, почему это у них экономический кризис все никак не кончится. Не надо на работу брать кого попало.

Что же делать с вами, милые школьники, дрожащие зимой от холода?! Как нужно вам объяснить, что надо просто одеться и сразу станет теплее. А как вы думали, на них ведь из всей зимней одежды только шарф, перчатки и синие ноги. Вот и плетутся они группами или поодиночке утром в школу, вечером домой, шаркая растоптанными кроссовками по мостовой. Милые, где жажда жизни, пламя страсти?!

.... А в ответ - тишина...

Довольно много уже известно о японской системе образования, о трудностях ученичества и радостях студенчества. Однажды довелось услышать следующее высказывание, адресованное школьникам: «Если спишь 4 часа в сутки, то поступишь туда, куда задумал. Если спишь 5 часов - провалишься».

По глазам учеников в классе действительно невозможно понять их чувства. В глазах наших детей обычно видно реакцию на все происходящее - интересно или нет, понятно ли и т.д. Перед японскими школьниками надо в прямом смысле сплясать, чтобы хоть какие-то эмоции проявились на лице.

Очень интересное явление в японском обществе — это дремота. Дремут везде: в поездах, на собраниях в офисе, на конференциях, ну, и, в частности, на уроках и лекциях. Учителя на это никак не реагируют, не будят, не ругают. Главное, что ребенок пришел на урок.

Шарканье тоже неотъемлемая часть жизни в Японии. Причин этому несколько. Во-первых, в Японии шаркали всегда из-за особенностей обуви — гэта и дзори не имеют задника, и не шаркать в них очень трудно. Во-вторых, издавая звук шарканьем, человек предупреждает о своем появлении задолго до того, как войдет в комнату. Внезапное тихое появление иногда сродни шпионажу. Хотя молодежи просто лень поднимать ноги.

Школьная форма обязательна не во всех школах. В младшей школе ее обычно нет, хотя престижные частные школы таковую имеют. В средних и старших школах ученики носят форменную одежду, которая различается в зависимости от учебного заведения. Причем комплект включает все виды одежды — от носков до пальто. Что-либо другое носить нельзя. Конечно, на выходных и на каникулах ученики свободны в своем выборе, но в учебные дни все очень строго. Молодежь по-разному сопротивляется этим правилам: кто-то юбку покороче сделает, кто-то спущенные носки наденет, парни не заправляют рубашки в брюки, а последние носят почти на бедрах. Когда этот вызов системе становится массовым явлением среди школьников, руководство школы узаконивает данный вариант как новую школьную форму. Конфликта больше нет, все счастливы.

Форма в японских школах существует большей частью для того, чтобы контролировать поведение молодежи во внешкольное время. Если ученик совершит правонарушение, то его можно будет найти гораздо быстрее по характерной форменной одежде.

Несмотря на то, что в большинстве школ предусмотрен зимний вариант формы, ученики редко пользуются этим. Просто невыносимо смотреть зимой на девочек в коротких юбках, легких пиджачках, в коротких носочках и с шарфом на шее. Это не важно, что на улице плюсовая температура, +5 все равно холодно.

Когда поинтересовались, не холодно ли им, то ответ был «Конечно, холодно!» Так почему не наденете хотя бы колготки? — Не знаю. Никто не носит, и я тоже. — Но ведь холодно же! Надень, теплее будет! — МЭНДОКУСАЙ («Это обременительно», «лень» или, на молодежном жаргоне, «вилы»). На этом тема была исчерпана.

Основная причина такого поведения - коллективизм, точнее соблюдение правил группы. Если ты выделяешься в группе, значит тебя из нее исключают, а остаться вне группы грозит бойкотом и издевательствами (ИДЗИМЭ).

То, что учатся только ради престижа, не совсем правда. Просто если закончить известный вуз, то перспектив гораздо больше. Японцы называют свое общество "общество учебного списка" (ГАКУРЭКИСЯКАЙ), т.е. при поступлении на работу работодатель тщательно изучит не то, какая у работника специальность и опыт, а то, какую школу и университет он закончил.

Считается, что навыки человек должен приобретать уже на рабочем месте, а вот его главное качество - это восприимчивость и обучаемость, а об этом можно узнать именно из этого "учебного списка".

Если человек закончил, точнее смог поступить, в вуз с большим конкурсом, то он обладает упорством, высоким уровнем обучаемости, а следовательно, это пригодный и перспективный работник.

Существует также традиция принимать на работу выпускников того вуза, который закончил сам работодатель. Эта покровительственная политика тоже дает свои результаты - большие шансы трудоустройства в определенных компаниях и преданность кадров.

Трудная пора ученичества с лихвой вознаграждается в период студенчества. Вот уж где молодежь получает шанс самовыразиться, покуролесить (не криминально, конечно, хотя бывает по всякому), практически отдохнуть перед началом взрослой жизни.

Больше нет бесконечных репетиторов, внеклассных занятий и обязательных посещений кружков по интересам. За 4 года надо получить диплом и найти работу, хотя это тоже требует определенных усилий.

Ольга Хованчук

СПАСИТЕ, ТОНУ! (2004)

Кто бы мог подумать, что такие слова могли прозвучать в собственной комнате с плотно закрытыми кранами (причем краны закрыты не только у себя, но и у соседей). Однако повод есть - ток-шоу.

Неизвестно, как Япония еще не потонула в собственных слезах?! Плачут все, от мала до велика, вне зависимости от пола и чего бы то ни было еще. Такое впечатление, что японцы состоят из воды более чем на 70%, есть в них еще один неиссякаемый резервуар, специально предназначенный для всяких там выражений чувств. Именно всяких. Радость и печаль — это понятно, но, кроме того, стыд, умиление и т.д. и т.п., но самое главное и непостижимое — это отзыв на слезы слезами. Если плачет один, то плачут и все остальные. Наши пытаются успокоить, пожалеть, сделать все, чтобы человек не терял драгоценную влагу (и нервы к тому же).

А этих просто хлебом не корми, дай пустить слезу. Сын (22 г.) пришел в студию, с прищмыгиванием рассказал, что хочет видеть папу, студия с таким же прищмыгиванием выслушала его и дала свои комментарии. Потом нашли папу, организовали встречу. Увидели они друг друга, и давай плакать, по цепной реакции слезами разразилась вся студия.

Выходим замуж - плачем, цветущую вишню увидели - «готовсь, пли!», у мамы прощения попросили - опять мокро, мама приняла извинения - лужи по колено.

Какими же тогда должны были быть просмотры «Титаника»? В кинотеатрах надо было строить отводную систему для «осадков».

В общем, плачьте с нами, плачьте, как мы, плачьте лучше нас.

Вот еще один эпизод из жизни японцев - слезы. Точнее, наверное, это можно назвать словом «чувствительность»...

Умение чувствовать всегда было одной из главных черт, по которой оценивали характер человека. В средние века выразить сильные искренние чувства можно было в стихах (танка или хайку), в картине или другом произведении искусства, а также при личном контакте - слезами.

Слезы в японском обществе говорили и говорят больше, чем слова. Кстати, в Японии нет установки «Мужчины не плачут». По-видимому, для японцев слезы вообще не являются проявлением слабости, наоборот, это показатель чуткой, искренней души. Сидя вечером в ресторанчике с коллегами за кружкой пива, можно пожаловаться на жизнь, начальника, жену и всплакнуть на плече у кого-нибудь. От таких проявлений чувств (умеренных, конечно) отношения в коллективе становятся только сплоченнее. Безусловно, японские мужчины реже дают волю чувствам, но, мне кажется, это происходит гораздо чаще, чем у русских представителей сильного пола. Есть ситуации, в которых практически положено заплакать, например, когда просят прощения, когда рассказывают о чем-то трогательном и другие. Вспомните, как невольно появляются слезы на глазах, когда смотришь передачу «Жди меня». Такое ощущение для японцев не редкость. А вот на похоронах плакать у них не принято, чтобы не усугублять трагичность ситуации. Несмотря на то, что в Японии не сформировалось отрицательное отношение к смерти, уход близкого человека всегда остается потерей для каждого, но слез печали японец никому никогда не покажет.

Есть несколько телевизионных ток-шоу, зрители которых должны запастись заранее коробкой бумажных салфеток (как известно, японцы редко пользуются носовыми платками). В этих ток-шоу не обязательно речь идет о трагедии, но эмоции как цунами уносят за собой и японцам нравится сопереживать посредством слез.

В ток-шоу «Консилиум красоты» (БЮ:ТИ КОРОСИАМУ) участвуют те, кто недоволен своей внешностью, и специалисты помогают справиться с проблемами. Иногда случаи мелкие и все обходится только переодеванием и макияжем, а иногда людей в прямом смысле возвращают к нормальной человеческой жизни.

Чаще обращаются, конечно, женщины, но, бывает, приходят и мужчины. Многие ток-шоу предоставляют участникам возможность кого-нибудь найти, организовать встречу с кем угодно, признаться в любви. Конечно, организаторы не отвечают за результаты таких мероприятий, но стараются, чтобы конфликтных ситуаций не возникало.

Совершенно немыслимое ток-шоу «Бедность не порок» (БИНБО: АПИ:РУ). В редакцию пишут бедные люди и просят материальную помощь (в установленном размере). Каждый рассказывает свою историю, и аудитория решает, кому отдать деньги. Эти деньги, между прочим, не очень большие, будто приз за живучесть и способность крутиться в этой непростой жизни. Не забывайте, что Япония - настоящая капиталистическая страна, здесь никто не будет ждать, когда вы оплатите долг за газ или свет, их отключат сразу. Вот на все такие темы японцы и плачут...

Ольга Хованчук

О СКОЛЬКО НАМ ЗАКУСОК ЧУДНЫХ ГОТОВИТ... (2004)

Ох уж эти кулинарные телепередачи!

«А знаете ли вы, как приготовить...» - раздается голос ведущего, и начинается: фартуки, мисочки, кастрюли, стук ножей и как апогей передачи дружный треск за ушами. И скажите «спасибо», что не чавкаем.

Какой там «Смак», здесь полный смак-смак-смак, причем без перерыва на всех телеканалах. Бедняги, приглашенные на передачу, не могут справиться с виртуозной, по их мнению, процедурой отделения белков от желтков. Познать приготовление риса без рисоварки - вообще грань запредельного. «... И не забудьте добавить соли...» - «Ах, вот в чем секрет такого неповторимого вкуса!» «Зачем вы взяли бокал двумя руками?! Это не чашка с зеленым чаем, возьмите одной рукой и пейте, как нормальный человек».

С горем пополам все справились с приготовлением очередного блюда и тщательной его сервировкой. Приближается церемония дегустации. Все сидят за столом и нетерпеливо ждут команды. А как без нее? Нельзя.

И вот, очень маленький кусочек приготовленного медленно, как горькое лекарство, подносится ко рту и кладется на язык. Так же медленно пережевывается. Правильно: а вдруг невкусно, тогда хоть распробовать не успеешь. Но что это?! Оказывается, вкусно! Челюсти начинают работать активнее. Под возгласы удивления и восхищения все благополучно заканчивается.

Однако это еще не все. После кулинарных передач следуют программы типа «Сделай сам»: «Здравствуйте. Тема нашей программы - бусы из апельсиновых косточек». Ведущие и приглашенные начинают с умным видом говорить о том, какие косточки от апельсинов лучше подходят для бус, как их надо правильно сушить, хранить, где их можно купить, если сами не смогли насобирать, и какая страна производит лучшие косточки. «И все это для вас, милые женщины! Ну и мужчины... некоторые... тоже. Носите всем на удивление».

Еще один цикл подобных передач можно озаглавить «Пусть не голь, но на выдумку хитра». Это - передачи о неработающих домохозяйках, проводящих часы досуга в раздумьях об интенсификации своего семейного быта. Почему-то их не на шутку волнуют самые разные и удивительные вопросы. Например, как увеличить рост ребенка на 1,5 см за 10 минут? Или: как сделать из одного яйца четыре яичницы-глазуньи? А вот и супер-идея! Вторая жизнь магнитофонной пленки и капронового чулка — это... МОЧАЛКА! На тебе!

И так все время: жуем и выдумываем, выдумываем и жуем. Жуй, выдумывай, пробуй! Постоянно и одновременно. А вам - слабо?!

Как известно, японцы едят глазами, поэтому эстетическому оформлению блюд и напитков уделяют большое внимание. Много рассказывают об эстетизме приема пищи как такового. Одно время в Японии большую популярность завоевала традиция английского чаепития, несмотря на то, что японцы не очень уважают черный чай. Это произошло на волне приобщения к западной культуре. Пить не обязательно, главное антураж. Красивые цветы, салфетки, выпечка, чай, приготовленный по правилам. Правила и эстетика - неотъемлемые части японской культуры.

Сейчас на Западе и в России японская кухня стала модным явлением. Не хотелось бы говорить о ресторанном бизнесе, поэтому остановлюсь на тех традициях кулинарной традиции японцев, с которыми довелось столкнуться.

В японской кулинарной культуре принято держать чашку двумя руками, точнее поддерживать левой рукой за донце. Как мы видели, так пытаются взять даже бокалы с вином. Есть еще одна категория блюд, которые принято брать руками — это то, что приготовлено руками, в первую очередь суси. В конвейерных сусичных (кайтэн-дзуси) едят палочками, но если это маленькое заведение, где хозяин сам перед клиентом лепит суси, то тут уж, безусловно, лучше руками. Японцы даже придумали специальное слово для обозначения этого феномена: *skinship*, «контакт через кожу».

Считается, что суси, которые сделали специально для тебя теплые добрые руки повара, вкуснее есть руками, чтоб почувствовать не только вкус, но и душевную теплоту. Когда клиент ест суси руками — это уважение и похвала повару, в особенности, если так делают у него на глазах.

Кстати, многие японцы действительно не знают, как сварить рис просто в кастрюле, и как отделить белки от желтков с помощью двух половинок скорлупы. Это просто факт, ни плохой, ни хороший.

Передачи цикла «Сделай сам» оказались очень интересными в плане изучения японского характера и тенденций в обществе. Одна из таких программ называется «УРАВАДЗА» (маленькие хитрости). Иногда те изобретения, которые представляют телезрители, очень странные и, на взгляд русского человека, абсолютно бесполезные. Однако некоторые действительно облегчают жизнь.

В связи с всеобщей тенденцией к экономии и вторичному использованию вещей, рождается много предложений о новом применении различных упаковок, которых в Японии огромное множество. Особенно это касается пластиковых бутылок, из которых практичные домохозяйки делают почти всю бытовую мелочь: мерные емкости, сосуды для хранения продуктов, горшки для цветов и т.д.

Для японцев сделанное своими руками ценится выше, чем купленное. Да и экономия уже превратилась в этой стране в своеобразное искусство, которое японцы тоже стремятся довести до совершенства.

Ольга Хованчук

ВАРНИНГ, ПИПЛЫ! (2004)

О лексических заимствованиях в японском языке написано достаточно много. Заимствования из разных языков составляют большую часть японского словарного запаса.

Слова айнского происхождения стали использоваться так давно, что полностью влились в состав японского языка и практически не выделяются из него как заимствования; они принадлежат самому глубокому пласту культуры. Чисто айнские названия сохранились сейчас, в основном, в географических названиях, например, в японских названиях Курильских островов.

Следующими на территорию Японии пришли китайские заимствования, причем сразу вместе с письменностью. Действительно, а зачем себе голову забивать, если тут уже все готовенькое? Хотя, конечно, японцам пришлось немало потрудиться, чтобы выучить иероглифы и научиться применять их для записи своего языка.

Результат: КАНГО - китаизированные слова - широко распространены и употребляются чаще в официальной или письменной речи.

С появлением португальцев у берегов Японии начинается новый период заимствований, причем на этот раз - из далеко не родственной культуры. Названия для вещей, которые японцы увидели впервые в своей жизни (хлеб, например), они не стали придумывать, а записали так, как услышали. Записывать такие слова решили особой слоговой азбукой КАТАКАНОЙ, которая до сих пор служит для записи заимствований ГАЙРАЙГО (буквально - «слова, пришедшие извне»). Потом был период почти 250-летний период изоляции (и, знамо дело, никаких заимствований), а затем наступило открытие Японии - открытие, так сказать, изнутри.

Вновь появилось много заимствованных слов, но тут случилось следующее. За два века изоляции и мира в японцах укрепилась национальная идея о превосходстве «потомков богов» и их уникальном пути развития. Да, японцы познакомились с новыми понятиями из чужой культуры, но не стали заимствовать для них иноземные слова - зачем ими портить «божественный» язык? Поэтому японцы смогли на том этапе придумать собственные лексические эквиваленты для новых вещей. По образцу древних КАНГО были придуманы специальные, но совершенно японские слова для таких понятий, как «экономика», «частный», «цинизм» и т.п.

Вскоре после Второй мировой войны страна вошла в период высоких темпов экономического роста. Японцы очень хотели, чтобы их приняли равноправным членом в мировое сообщество. Держа равнение на Соединенные Штаты, японцы устремились к экономическому благополучию и его достигли, кое-где даже вырвавшись вперед американцев. Словом, снаружи все было, как в Америке, но чего-то не хватало. И Японию захлестнул поток заимствованных слов.

Мы тоже испытали нечто подобное. Помните, в «Бриллиантовой руке» героиня Светличной употребляла такие иностранные слова, как «хаза»? В первые годы перестройки появилось много «шопов» вместо магазинов и других иностранных названий, которые шли без перевода, как бы приобщая нас к «шикарной» иностранной жизни. А «шузы» (обувь), «мани» (деньги) и другое, — всё это и у нас было, было, было... Считалось, что тот, кто обладал новой лексикой, тот был в струе моды и на гребне жизни...

Как и у нас, у японцев с заимствованиями возникли небольшие проблемки. Речь идет о неадекватности транскрипции, что иногда до неузнаваемости меняет слова. Но японцев это не испугало - видимо, посчитали, что просто иностранный язык такой «плохой», что не ложится на свой островной...

А теперь самое интересное: о разных случаях, связанных с иностранными словами (ГАЙРАЙГО) в Японии. Однажды за просмотром фильма «Шакал» на японском языке долго не могла понять, что за странное слово скрывается за сочетанием МОНТОРИОРУ. Оказалось - просто название г. Монреаль. Названия сетей круглосуточных магазинов кроме улыбки тоже ничего не вызвали: СЭБУН ИРЭБУН (Seven eleven), РО:СОН (Lowson). Есть еще такое японское слово ДЭДЗУНИРАНДО (Disneyland).

Тут японцы ничего не могут поделывать, т.к. не сами придумывали эти названия. Но то, что случилось в Хакодате, когда мы искали гостиницу с названием Harbor View, которое превратилось в простое японское ХАБАБЮ, до сих пор вспоминается с истерическим смехом.

Среди молодежи американизация проявляется наиболее сильно. На этой волне появилось следующее выражение оценки внешних достоинств девушки - ЭСУБИЭСУ (сокр. от slim, beautiful, sexy - SBS). Японизированный вариант английских слов, точнее американских, настолько переполнил молодежную речь, что иногда очень сложно разобраться в смысле сказанного. Удивительно, что, например, парикмахерские для мужчин сохранили традиционное название ТОКОЯ, но названия услуг заменили на ГАЙРАЙГО (катто, пама, щяппу, ринсу - что это значит, догадывайтесь сами!).

Слово «кофе», наоборот, вместо катаканы все чаще записывают иероглифами. Пришедшее из португальского языка слово «карты» (КАРУТА) используют для обозначения поэтических карт, которые являются традиционным новогодним развлечением, а игральные карты с королями и тузами — это американские ТОРАНПУ.

И еще одна тенденция, связанная с гайрайго. Японцы не любят очень длинные слова, поэтому, если заимствованное слово длинное (больше 4 слогов в японском варианте), то его сокращают до удобного количества. Поэтому вместо «пураттохо:му» осталось только «хо:му», которое созвучно со словом «дом». ПА:СОНАРУ КОМПУ:ТА, он же Personal computer - это долго, скучно и неинтересно. Куда динамичней японское ПАСОКОН, в котором редкий иностранец узнает его прародителя. Примеров множество. Путаницы, впрочем, тоже...

В русском языке, между прочим, тоже есть заимствования из японского: вата, иваси и минтай, например. И кто знает, может быть, именно из русского языка в Японии появилось слово «икра» (икура)?

Кстати, многие японцы, особенно жители небольших городов, где бывает мало иностранцев, приходят в изумление, когда какой-нибудь европеец вдруг начинает говорить на приличном японском почти без акцента. Кажется, что их первая мысль: «А должен ли я понимать то, что мне говорят?» И несмотря на то, что с ними говорят на японском, сами японцы начинают судорожно вспоминать свой англоязычный запас и пытаться ответить. Ситуация примерно такая же, как если бы негр среди эстонцев заговорил на их языке с характерным растягиванием слов. Этого просто не может быть! Некоторые японцы искренне считают, что европеец не может выучить японский язык, но также искренне благодарны за то, что им это удалось...

А все-таки свой язык надо сохранять, чтобы не получилось, как в старой шутке: «Варнинг, пиплы! Коцайте тикеты. Непрокоцанный тикет за отмазку не катит». Кстати, как это будет по-японски?

Ольга Хованчук

ШУТКА ЮМОРА (2004)

Смеяться после слова «лопата»

Говорят, когда человек начинает понимать юмор чужой страны, то он достиг достаточно высокого уровня знания языка и культуры. Особенно это касается дальневосточного юмора, потому что стиль мышления в странах Дальнего Востока в связи с особенностями языкового строя сильно отличается от европейского мышления. Тонкий английский юмор мы все-таки понимаем, а как насчет японского?

Анекдотов в Японии нет, но русские анекдоты японцы очень любят. Они не понимают русского юмора, связанного с «этническими» особенностями: про чукчей, грузин, армян, украинцев, - но это естественно. Но вот однажды в японской компании мы рассказали анекдот о двух воронах и шлагбауме.*** Надо было видеть истерическую реакцию товарищей, чтобы понять, что юмор интернационален: главное, надо знать, кому, что и когда рассказывать.

Между собой японцы по большей части рассказывают не анекдоты, а байки, если по-нашему, т.е. достаточно длинные истории, над которыми смеются практически только сами японцы, потому что эти истории наполнены аллегориями из классических произведений, народных сказок, преданий и т.д. Опять же у них тоже есть такие же люди, как наши «чукчи», над которыми почему-то смеются. В этом японский юмор был слегка непонятен. Но шутки о знакомых всем вещах, по-моему, вызывают одинаковую реакцию и у местных, и у иностранцев.

Еще один жанр народного юмора - ДЯДЗЯРЭ - «игра слов». В японском языке много одинаково звучащих слов или грамматических конструкций, напоминающих слова. Например, очень простая «дадзярэ» - ИРУКА-ВА ИРУКА - что обозначает «А есть ли дельфин?». Важно, чтобы присутствовал смысл, правильность конструкции, ну, и, самое главное, созвучное сочетание слов. Проблема с игрой слов, как и в любом языке, в невозможности ее адекватного перевода. Еще один пример, извините, что по-японски: «ХАТАХАТА-ВА НАН ДЕС КА. ХАТАХАТА-ВА ХАТА НИ-МАЙ». (пер.: «Что такое хатахата? Хатахата — это два флага»). Здесь соль в том, что есть рыба под названием «хатахата» и есть слово «флаг», которое тоже читается «хата». Поэтому повторение слогов «хата» два раза переведено в шутку, что это два флага, а не название рыбы. Для японцев это смешно, по крайней мере, для тех, среди кого прозвучала эта шутка.

*** Две вороны летят в ночи. Темно. Одна другой говорит: «Здесь где-то должен быть шлагБАУМ!» Вторая вслед: «Где? Где шлагБАУМ?!» - Разъяснение автора.

Есть здесь, конечно, и профессиональные «шутники», т.е. юмористы, выступающие с концертами. Жанр традиционного японского юмора называется РАКУГО. В его рамках существует несколько династий артистов. Это виртуозы импровизации и сценического искусства. Выступают мастера ракуго в традиционной одежде кимоно, из реквизита у них только веер, с помощью которого они изображают все - от сосуда с саке до зонта. Их сценки и монологи чаще основаны на сюжетах из повседневной жизни: не в меру пьющие люди и недоразумения, происходящие с ними; семейные отношения; война невесток со свекровями и т.д., - в общем, никому не чуждые вещи.

Коллеги по сцене мастеров ракуго — это юмористы более европейского стиля. Конечно, это не значит, что их репертуар ограничен шутками о Западе, просто они выступают в обычной одежде, а говорить могут о чем угодно. Чаще всего это сценические пары типа наших Тарапушки и Штепселя, Карцева и Ильченко. Они тоже разыгрывают сценки, поют куплеты. Старшее поколение наверняка помнит куплеты Рудакова и Баринова «С обратной стороны» (про пылесос: ... вся пыль в него влетает с ковров и со стены... и тут же вылетает с обратной стороны). Такого же плана куплеты поют и японцы, шутки те же, а это говорит о братстве наших народов. «Почему корабль пошел ко дну? - Потому что Ямада на третьей палубе объелся устрицами».

В передаче «СЁТЭН» (Вокруг смеха) выступают сначала обычные ребята, а затем мастера ракуго (последние, кажется, теряют свое место в этой передаче только с уходом в мир иной). Передача построена так: шесть человек соревнуются друг с другом в остроумии, пытаюсь придумать шутки на заданную ведущим тему.

За каждую удачную шутку награждают подушкой для сидения (дзабутон), за каждую плохую - отнимают. Поэтому все участники игры сидят на разном количестве подушек. Тема «эта вещь плохая, объяснить причину». Шутка «Этот сейф плохой, в него не влезит мертвая теща». Японцы громко смеялись над этим высказыванием, а автор получил подушку... Но, конечно, в Японии есть и безобидный юмор.

Неповторимый юморист-актер - Симура Кэн. Его самый известный сценический образ - это Бака-тоно-сама (Глубокоуважаемый Князь-простак). Он выпускает телепередачу с одноименным названием, в которой комичные ситуации разыгрываются на фоне декораций периода Эдо (17-19 вв.). Бака-тоно любит девушек, любит дурачить своих слуг. В его замке и округе живут и другие персонажи, многих из которых играет тоже Симура Кэн. Посмеяться можно от души.

Смех - один из самых замечательных способов узнать чужие традиции и подружиться с соседним народом. Поверьте, в японском и русском юморе много общего. Желаю всем читателям изучить язык настолько, чтоб и вы смогли приобщиться к японскому юмору. Овчинка стоит выделки.

Лопата.

Ольга Хованчук

ЯПОНСКИЙ ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

Тезисы лекции, прочитанной автором 20 марта 2004 г.
в Японском центре г. Владивостока

*Автор статьи *Японский традиционный костюм* Ольга Хованчук в кимоно незамужней девушки эпохи Сёва с узором хризантем (осеннее сочетание)*

Японский костюм исторически развивался в течение 1500 лет. На этапе своего зарождения его форма была примитивной и далекой от современной. В процессе развития одежда испытывала влияние многих факторов: климата, местных традиций и иностранных заимствований, технических новшеств и быта.

Благодаря контактам с соседними государствами - Кореей, Китаем, Бохеем, Индонезией - в Японии появлялись новые виды одежды, ткани. Заимствования стали базой для творчества. Однако они никогда не оставались в первозданном виде, все изменялось, что-то отмирало, а что-то входило в традицию. Огромный пласт материковой культуры, перенесенный в Японию, трансформировался под влиянием древних японских традиций, верований, эстетических представлений, а также с учетом местного быта и климата. В результате этого синтеза появилась своеобразная форма культуры с характерными национальными особенностями. Корейские и китайские заимствования (которые проникали в Японию как в чистом виде, так и в корейской интерпретации) повлияли на дальнейший ход развития одежды: теперь она разделилась на мужскую и женскую, на светскую и народную. Заимствованные формы корейского костюма, а также шелковые и парчовые китайские ткани, стали привилегией правящей верхушки.

В связи со спецификой тканей появился крой по прямым линиям, который остался неизменным на протяжении всей истории японского костюма. Неизвестно, что стало причиной такого постоянства. Прямой крой был первой из основ традиционной японской одежды. Отчасти именно он обусловил появление традиции многослойности в одежде периода Хэйан (794-1185).

После переноса столицы в Киото нарушается регулярность контактов с другими государствами. Эта социальная и культурная замкнутость не могла не иметь определенных последствий.

Создавшееся положение вызвало стремление к утверждению в правящей верхушке национального начала. В период Хэйан впервые появляется термин КОКУФУ - японский стиль, в противовес китайскому. Формируется символика орнаментов, цвета, сезонность цвета и дизайна, а также комплекс обычаев и обрядов, связанных с одеждой. Женская и мужская одежда этого периода была чрезвычайно многослойной, но к 11 в. и мужской, и женский костюм сильно упрощаются. И как итог периода Хэйан - появление прототипа национального костюма - халата с узкими рукавами.

Переход власти от аристократии к военным обусловил выход на первый план военного костюма, одного из основных атрибутов класса самураев. Развитие его стимулировали завоевательные походы 9 в. против народа айну на север страны. Окончательно костюм самурая сформировался к 14 в. и просуществовал практически без изменений до середины 19 в. В ходе истории военного костюма сложилась особая эстетика самурайских доспехов, в которой воплотились все эстетические принципы и регламентированность хэйанской эпохи. Благодаря военному костюму появилось много новых элементов одежды: носки-таби, кофта-хаори, пояс-шнур для женского кимоно, перчатки и т.д.

В 13-14 вв. в одежде придворных чиновников наблюдалась тенденция к упрощению. В эту эпоху появился новый эстетический принцип - видеть прекрасное даже в самом невзрачном, восхищаться красотой души вещи, а не только ее внешним видом. Самураи выработали главный принцип этого периода: «Безупречный внешний вид - безупречный дух». Японцы всегда верили, что одежда способна изменить человеческую душу.

Женщины военного сословия создали новый тип костюма, качественно отличный от прежнего. Этот костюм был создан в процессе долгого естественного отбора, под влиянием климата и социальных установок. Жизненность костюма, состояла в его универсальности. Стремительно развивался мужской костюм, появилось много новых видов одежды.

Юката - летняя одежда

Человеку всегда было свойственно стремиться выглядеть красиво, поэтому и мода существовала всегда, менялись только ее объекты. Даже при строгом хэйанском регламенте мода существовала на сезонные цветовые сочетания (ниои), на качество тканей (жаккардовые ткани в мужском костюме), на орнаменты женского шлейфа (вышитые пейзажные картины). Самураи ввели моду на окрашенные ткани, они стремились к японскому стилю в одежде.

Творческий потенциал простого народа нашел выход в новых сочетаниях цветов и орнаментов. Впервые появилась мода на стиль дизайна (а не на отдельный сюжет, узор или цвет). Орнаменты наполнялись все большим символическим содержанием, однако в них сохранялась привнесенная из народной эстетики стилизованность узоров и яркость цвета.

В ходе общей тенденции упрощения костюма, к 17 в. халат с узкими рукавами занял место основного вида одежды как женской, так и мужской. Новое время стало эпохой кимоно, и мода развивалась, сделав своим главным объектом именно его. Простота конструкции кимоно компенсировалась многообразием дизайна и технологических методов создания орнамента

Слева направо: девичье кимоно - фурикодэ, свадебное кимоно, юката взрослый и детский, кимоно для визитов - хомонги, церемониальное кимоно - куротомэкодэ.

В начале 17 в. кимоно стали рассматривать как полотно для картины, и тогда впервые появилась единая законченная композиция, изображенная на всей поверхности костюма. В новом типе дизайна отразилось светское восприятие жизни горожанами.

Молодежь начала 17 в. воспитывалась во времена формирования военного государства при сёгунах Токугава. В рамках всецелого контроля военного правительства молодые люди в будущем не могли рассчитывать на открытые перспективы, и были вынуждены продолжать дело своих отцов. Свой протест в отношении существующего положения они выражали в поведении и одежде. Так, появился крупный непропорциональный орнамент, не свойственный существовавшей ранее традиции. Новому типу дизайна была присуща лаконичность и стилизованность. Асимметрия, появившаяся в это время, стала основой для дальнейшего развития дизайна традиционного японского костюма. Молодежь ввела понятие стиля в одежде

Главный культурный центр Японии - Киото - в 17 в. постепенно терял свои позиции. Эдо, новая столица, противопоставляя себя Киото, вырабатывала новые эстетические традиции. Основными критериями эстетизма стали элегантность и изысканность: скромный орнамент, скромная косметика, - на первый план выходил сам человек. Новые представления об элегантности породили ансамбль кимоно, состоящий из нескольких халатов, подвязанных поясом. Последний превратился в основное украшение костюма и изготавливался из дорогих тканей.

Основой мужского костюма тоже было кимоно, вместе с которым в официальных случаях надевали штаны-хакама и кофту-хаори. В мужском костюме всегда использовали те же цвета, что и в женском. Он был лишь немного сдержаннее в орнаментах и цветовых сочетаниях. Так к середине 19 в. завершилось формирование национального японского костюма. Одежда по всей стране приняла единые формы.

Японский традиционный костюм - кимоно - считается одним из самых красивых в мире. Японка в кимоно — это самое очаровательное и изысканное существо, от которого невозможно отвести взгляд.

Существует много видов женской традиционной одежды, и кимоно — это всего лишь их общее название. Определимся, что же такое «кимоно»: это халат с широкими прямоугольными рукавами, изготовленный из шелковой ткани и обязательно на подкладке. Его надевают в официальных случаях. Есть еще летняя одежда, которую делают из хлопковой ткани без подкладки — это юката. Юката используют также в качестве домашней или ночной одежды.

Кимоно - довольно сложный ансамбль, в котором отражено все: от социального статуса человека до времени года. Первое, что бросается в глаза - это длина рукавов, точнее, их ширина. Незамужние девушки обычно носят кимоно с очень широкими рукавами, достигающими до пола. Считается, что такая одежда сразу привлекает к себе внимание мужчин. Фуриisode (развевающиеся рукава) - самый великолепный ансамбль кимоно, с самыми искусными вышивками и росписями, подвязывают его парчовым поясом со сложным бантом сзади.

Свадебное кимоно - белое шелковое с вытканными журавлями или другими символами счастья. Его дополняют белым головным убором «цуно-какуси» (укрытие рогов), подобием фаты. Только фата символизирует чистоту и непорочность, а «цуно-какуси» - усмирение женской ревности. Японцы считают, что у ревливой жены вырастают рога. После свадебной церемонии невесту переодевают в яркое, красочное кимоно с длинными рукавами.

После замужества рукава кимоно становятся более чем наполовину короче, расцветка - сдержаннее, орнаменты - скромнее. «Томэсоде» (подобранные рукава) символизирует жизненный опыт, мудрость, женственность. Разновидность этого вида костюма - «куротомэсоде» - кимоно черного цвета с короткими рукавами, орнамент на нем делают только на подоле, причем, чем старше человек, тем ниже будет располагаться узор. Такое черное кимоно с парчовым поясом надевают на официальные церемонии, например, на свадьбу.

*Свадебное кимоно, которое надевают после бракосочетания. Церемония смены белого кимоно на красное называется *иронаоиси* - *исправление цвета*.*

Кимоно под названием «хомон-ги» (одежда для посещений) отличается сдержанным цветом светлых оттенков и легким скромным узором. Создается очень легкий приятный образ. Такое кимоно чаще подвязывают не парчовым поясом, а плотным шелковым с неброским орнаментом.

Чтобы правильно выбрать ансамбль кимоно к определенному случаю, необходимо учитывать очень много факторов: сезон, возраст, посещаемое мероприятие. В отличие от других стран в Японии не 4 сезона, а 12, и разделяют их по периодам цветения растений. Кимоно с цветочным орнаментом надо выбирать так, чтобы цветы на одежде предвещали сезон цветения. «Как безвкусно, - писала одна японка, - когда надевают кимоно с хризантемами, если они уже в полном цвету». Цвет наряда должен соответствовать сезону и возрасту. Если повод радостный, то в кимоно присутствуют яркие теплые тона.

Традиционную одежду всегда запахивают на правую сторону, запах на левую делают только на одежде умерших. Запах не должен быть глубоким, иначе это выглядит вульгарно. Если пропорции «сдвинуты» к верхней части костюма, то это создает впечатление молодости, наивности. Пояс, завязанный чуть ниже обычного, чуть сильнее открытая линия выреза создают женственный, зрелый образ.

Пояс на кимоно - его единственное украшение. Обычно повязывают три пояса: основной «оби»; пояс-шнур «оби-дзимэ», который скрепляет бант; и пояс-шарф «оби-агэ», который придерживает подушечку, создающую объем банта.

Кроме этого, используют еще тонкие пояса для завязывания сложных бантов. В свадебном ансамбле есть еще один пояс-кушак. Если учесть, что при надевании верхнего и нижнего кимоно используют еще по два пояса, то можете представить, сколько всего повязано на талии японки, одетой в кимоно. Для украшения на пояс-шнур иногда прикрепляют брошь «оби-домэ».

Детские кимоно отличаются от взрослых только размером и орнаментом - более ярким и забавным. Незабываемое впечатление производит посещение синтоистского храма на праздник Ситигосан, когда детей возраста от трех до семи лет приводят в храм, чтобы попросить у богов здоровья.

*Кимоно
незамужней
девушки -
фурисодэ.*

Юката - гораздо проще в обращении и надевании. Это достаточно приятная летняя одежда, одинаковая для людей всех возрастов и социального положения. Пояса для юката обычно тоже хлопковые, они наполовину уже, чем для кимоно, но это никак не сказывается на количестве разновидностей бантов. Для летней одежды не используют дополнительные пояса, только основной «оби». Если вместе с кимоно всегда надевают носки-таби и дзори (шлепанцы, обтянутые парчой или шелком), то с юката только простые деревянные гэта.

Юката тоже выбирают по правилам, акцентируя внимание то на пояс, то на орнамент юката. Обычно для летней одежды используют ткани холодных оттенков, считается, что они создают ощущение прохлады, но ярких юката тоже великое множество на любой вкус.

Ощущение прохлады и отдыха создают и орнаменты, (например, водный поток, развевающиеся на ветру ленты), а также полупрозрачные ткани с более рыхлой, чем обычно, структурой. Невозможно представить летний праздник без людей одетых в юката и с веерами в руках. В небольших традиционных гостиницах «рёкан» тоже принято носить юката. Часто такие гостиницы строят на горячих источниках. Именно здесь японцы могут по-настоящему расслабиться, отдохнуть от городского пейзажа, от синтетики урбанизированного мира. Сидя в юката на теплом деревянном полу и глядя на красоты природы, действительно отдыхаешь душой и телом. Сейчас появились также и зимние юката из тонкой шерстяной ткани, которые можно носить каждый день.

Кимоно считается национальным костюмом Японии. Оно продолжает жить и развиваться. Для тех, кто хочет лучше изучить кимоно, открыты школы и кружки, и количество посетителей постоянно растет. Традиции изготовления национального костюма, стиль надевания и умение его носить передаются из поколения в поколение.

Ольга Хованчук

ДИАЛОГИ ПО-ЯПОНСКИ (2004)

Вот уж что действительно можно назвать диалогом, так это разговор двух японцев. Наверное, ни в одном языке мира, кроме японского, нет так называемой традиции поддакиваний - АЙДЗУТИ. Это особые слова и небольшие фразы, которые собеседник-японец вставляет по ходу того, как другой собеседник что-то говорит.

В европейской традиции принято тихо выслушать полностью весь пассаж выраженных в словах мыслей партнера и только потом что-то возразить. Получается своеобразный обмен монологами, каждый из которых способен затянуться на неопределенное время, в зависимости от настроения и терпения собеседника. В Японии такой расклад событий бывает чрезвычайно редко. Для многих европейцев, еще не привыкших к общению с японцами, диалог с представителем страны Восходящего солнца может стать одним из самых странных и потому незабываемых ощущений в жизни. Особенно суровым испытанием являются телефонные переговоры: здесь на неподготовленного иностранца обрушивается цунами японских поддакиваний всех мастей и размеров.

Представим себе двух милых японских девчонок, возвращающихся из школы и ведущих задушевную беседу на тему «Как я провела вчерашний вечер».

- **СЛЫШЬ...**
- **ЧО?..**
- **Я ВЧЕРА...**
- **НУ...**
- **ВЕЧЕРОМ...**
- **НУ...**
- **НА ДИСКОТЕКУ...**
- **ДА, НУ?!..**
- **ХОДИЛА.**
- **ДА ТЫ ЧО?!..**

Если начать вот так дословно переводить все диалоги молодежи, то диву даешься, насколько малым бывает количество информации по сравнению с количеством произнесенных слов. Однако японцев это не смущает, потому что им главное чувствовать единение, контакт с партнером.

Еще один феномен японского языка — это большое количество слов, выражающих благодарности и извинения. Эти слова помогают сохранить тот контакт, который был установлен с помощью АЙДЗУТИ. Для каждого случая есть свое СПАСИБО или ИЗВИНИТЕ. Обычно одним словом не обходится, и получается целый извинительный или благодарственный абзац, который будет сочетать в себе длинные вежливые выражения и минимум информации.

После длительного пребывания в Японии такая вежливая речь становится настолько естественной, что, вернувшись на Родину, иногда замечаешь неадекватную реакцию русских на простое «большое спасибо». Кого-то это радует, а кого-то даже оскорбляет. Сейчас, с появлением сотовых телефонов и повальным увлечением SMS-сообщениями, возникла опасность того, что японская молодежь вообще разучится нормально общаться. Поистине курьезный случай довелось наблюдать в метро, когда двое девушек сидели рядом и переписывались по телефону друг с другом, пренебрегая почему-то обычным способом общения.

Очень интересно смотреть телевизионные интервью. В качестве репортера в студии обычно сидит милая девушка с внешностью фотомодели, и ее задача состоит в том, чтобы вовремя задавать нужные вопросы, правильно «поддакивать» и многозначительно кивать головой. Иногда возникает вопрос «Зачем же это милое существо там сидит? Она, ведь все равно ничего не сообщает. Только внимание отвлекает от серьезного разговора». Но для японцев все как нельзя серьезнее. Во-первых, в тот момент она представляет всю публику, находящуюся или не находящуюся перед экраном. Если есть приглашенный гость, который говорит умные вещи его должен кто-то слушать, поэтому репортер и находится там в студии. Во-вторых, должен присутствовать не только серьезный разговор, но и приятная картинка — это ведь телевизор, а не радио. Пусть девушка ничего не смыслит в теме разговора, но зато на нее приятно посмотреть - прекрасный костюм, макияж, прическа, милая улыбка, в конце концов, да и вообще...

Что касается новостных передач, то здесь немного другая ситуация. Передаваемая информация обезличена, и диктор всего лишь озвучивает ее, поэтому собеседник не предполагается. В связи с конкуренцией телеканалов в привлечении зрителей и повышении рейтингов появилась тенденция приглашать молодых дикторов с привлекательной внешностью, которые часто уступают в опытности старшему поколению...

Японцы очень дорожат своим кругом общения. Они могут пустить в этот круг в качестве равноправного собеседника только того, кто соблюдает традиции и правила их страны. И в этом случае даже перед иностранцем они откроют совершенно другие грани своего характера, потому что он - уже не чужой человек.

Ольга Хованчук

«РОЖДЕННЫЙ РАНЬШЕ» (2004)

Как вы думаете, кто это? «Рожденный раньше» хранит мудрость поколений и передает ее другим. К нему идут за советом. Его уважают и любят. Это такой же важный человек, как и родители, а иногда и важнее. Догадались?

Конечно, это учитель, а по-японски - сэнсэй.

Стандартно мы переводим это слово, как «учитель, преподаватель», но для японцев в нем заключен целый мир отношений, построенных на уважении, почитании и любви. Родители дают жизнь, а сэнсэй учит жить. Еще в достаточно недавнем прошлом многие знатные японцы стремились пораньше отдать своих детей учителям, наставникам, чтобы дети раньше познавали мудрость жизни. Наставник становился вторым отцом. Если бы не было тех, кто «родился раньше», то не было бы всего того, что мы имеем сейчас, поэтому японцы относятся к сэнсэям с благоговением, ловят каждое их слово и благодарны им за то, что они согласились потратить свое драгоценное время и поделиться своим опытом.

Вот это чувство благодарности один из самых важных элементов японской культуры. Причем благодарность выражается скорее не в материальном эквиваленте, а в моральном. Подарки в знак благодарности и уважения, конечно, дарят, и очень много, но самым главным выражением благодарности является преданность и уважение. Нет большей радости для сэнсэя, чем видеть своего ученика, который следует тем наставлениям, которые получил от учителя. Сэнсэй же в свою очередь будет благодарен за такую преданность и будет в дальнейшем делиться знаниями с этим человеком. В этих отношениях нет слепого копирования слов учителя. Это всегда обдуманное использование полученных знаний, на которые накладывается в дальнейшем собственный опыт.

В России многие занимаются традиционными японскими искусствами: икэбана, каллиграфией, боевыми искусствами. Слово «сэнсэй» узнают на первом же занятии, однако для нас это всего лишь японское название, которое просто надо знать. Причем, когда некоторые русские начинают звать себя «сэнсэй», то автоматически причисляют себя к японским авторитетам древности и порой забывают, что сами только встали на путь познания какого-либо искусства. Часто мы относимся к учителю, как к руководителю, который быстро распределил обязанности и следит за их выполнением. Однако это, прежде всего, наставник, который следит за каждым шагом, указывает на ошибки и помогает их исправить, что является самым главным.

В Японии, когда сэнсэй говорит, все тихо слушают, когда он о чем-то просит, все делают это, и делают очень быстро. Наверное, из-за разницы культур мы привыкли подчиняться тому, кто обладает силой, но редко кто подчиняется только лишь из чувства уважения. Вот чего русские часто не понимают и не принимают. В нашем поведении присутствует момент «хочу и буду» или «не хочу и не буду». Кланяться и соблюдать все ритуалы и правила никто не будет, если не хочет. На одной из тренировок по кэндо (Путь меча) в присутствии японского сэнсэя русские начали самовольно делать то, что каждый хочет, от чего сэнсэй так разозлился, что после занятий не стал отвечать ни на чьи вопросы. Он отказался исправить ошибки учеников, что было самым суровым наказанием. Всего лишь начав заниматься, каждый пытается строить из себя сэнсэя, перебивает, начинает сам показывать и объяснять. Обучение иногда превращается в игру «Испорченный телефон», когда каждый объясняет так, как понял. В Японии новичками, пришедшими на занятия, всегда занимается или сам сэнсэй, или ученик, которому он доверяет, но не любой из присутствующих и тем более не все сразу.

Однажды на мастер-классе по каллиграфии японские сэнсэи попросили написать три иероглифа, но присутствующие, взяв в руки кисть, стали писать то, что каждый захотел, так как предложенные иероглифы посчитали слишком простыми и потому недостойными для написания. Сэнсэям ничего не осталось, как только всех одинаково похвалить и этим ограничиться. Русские ушли довольные собой и тем, что показали японцам класс, хотя на самом деле проявили к ним неуважение. Жаль, потому что из-за этого многие клубы японских искусств развиваются медленно и люди теряют очень большую часть настоящей японской культуры. Это происходит само собой из-за разницы мышления и воспитания, и, к сожалению, с подобными перегибами справиться очень трудно.

Один из представителей клуба Кэндо выразил желание, как можно скорее взяться за написание научного труда по этому виду спорта, на что пожилой сэнсэй ответил: «Вы будете способны это сделать только когда иссякнут ваши силы. Если вы сделаете все правильно, то никакой силач не сможет победить вас, и именно тогда вы познаете истинную цену мастерства. А сейчас вы просто ученик». Многие сэнсэи, несмотря на то что отдали избранному занятию почти всю жизнь и многого добились, говорят: «Ну, что вы, я не мастер, я продолжаю учиться».

Японцы считают, что сэнсэй должен постоянно совершенствовать себя? быть строгим, великодушным и благодарным своим учителям за то, что он сам смог стать сэнсэем.

Ольга Хованчук

АИТЭ: ДРУГ ИЛИ ВРАГ? (2004)

Японский иероглифический словарь дает следующее толкование слова АИТЭ: тот, кто вовлечен в то же дело, что и главное действующее лицо, тот, кто находится с ним в равных условиях и имеет равные возможности. Можно сказать проще - «подельник». А так как дела бывают разные, то и смысл слова АИТЭ меняется. В зависимости от контекста это может быть «друг», а может быть и «враг», и каждый человек дает свою трактовку. Автор склонен переводить это слово как «партнер».

Еще на заре японской истории партнерские отношения приобрели чрезвычайную важность. Технология поливного рисосеяния, распространенная на островах, была достаточно трудоемкой и требовала для обработки полей совместного приложения усилий всех жителей деревни. Важны были каждые свободные руки, поэтому ссориться с соседями было очень опасно, потому что те могли не помочь в нужный момент, и урожай был бы под угрозой. Из-за таких отношений в Японии сформировался большой пласт культуры, связанный с выражением благодарности и принесением извинений.

Если людям есть о чем поговорить — значит, они симпатичны друг другу. Когда им есть о чем помолчать — это начало настоящей дружбы. Иногда, чтобы почувствовать духовное единение с собеседником, не нужны слова. Достаточно вспомнить выражение «они понимают друг друга с полуслова (или без слов)». Собеседник - одно из основных проявлений АИТЭ. В спорах с ним, как известно, рождается истина. Именно в общении формируется самоидентификация человека. Мы начинаем воспринимать себя как нечто существующее и неповторимое, потому что имеем возможность сравнить себя с партнером.

Спутника жизни тоже можно назвать словом АИТЭ. В данном случае АИТЭ — это человек, который согласен идти вместе с другим по жизни, готов взять на себя часть забот и делиться радостью, это всегда помощник и союзник.

Лучше всего, наверное, партнерские отношения познаются на основе японских боевых искусств. Обратимся к кэндо - искусству владения мечом, который изобрели самураи, чтобы не потерять навыки ведения боя.

КЭНДО-ВА РЭЙ ДЭ ХАДЗИМАТТЭ, РЭЙ ДЕ ОВАРУ - «Кэндо начинается с поклона (благодарности) и заканчивается им». Вначале просят прощения за то, что, возможно, причинят боль, в конце просят прощения еще раз и благодарят за терпение. Еще одно выражение, которое выражает суть партнерских отношений в кэндо: «КО:КЭНТИАЙ» - «Обмениваясь ударами (в поединке), познают (настоящую дружескую) любовь». Таким образом, любой соперник, противник, враг уважаем и потенциально может стать другом, партнером, союзником.

Несмотря на всю внешнюю агрессивность, кэндо на самом деле мирный спорт, нацеленный на самозащиту. Сэнсэи всегда повторяют, что это спорт благодарности и познания ценности жизни партнера, а не своей. У нас очень часто партнера воспринимают просто как грушу для битья, для японцев — это то, без чего невозможен поединок и кэндо, поэтому партнера берегут и дорожат им. Партнер добровольно подставляет свое тело, для того чтобы человек мог отработать удары, которые иногда бывают весьма болезненными.

Кстати говоря, уважение к партнеру имеет даже эстетическое выражение. Первое, чему учат в японских клубах боевых искусств — это правильно и аккуратно надевать форму, а потом также аккуратно и правильно ее складывать. Эта традиция происходит от самурайского принципа «Безупречный вид - безупречный дух».

Самураи считали, что безупречный вид воина, одетого в доспехи (которые часто были произведением искусства, созданным на заказ) может произвести на соперника устрашающее впечатление и даже обратить его в бегство. Если предстать перед соперником в неаккуратном виде, то это будет говорить о несобранности, спешке, но, самое главное, о неуважении. Таким образом, партнеры находятся в не равных условиях, а, значит, пропадает чувство АИТЭ.

У японцев совсем другое отношение к победе и поражению. Победитель был просто удачливее, проигравший (тоже АИТЭ!) всего лишь позволил себя победить. Конечно, всем хочется быть первым и лучшим, но необходимо поблагодарить партнера, который уступил и без которого не было бы победы.

Японцы благодарны партнеру, наверное, просто за то, что он есть. А мы?

Ольга Хованчук

ПИСЬМА ЛИЧНО НА ПОЧТУ НОШУ... (2004)

В наш век электронной почты мы уже почти забыли о том, что такое настоящее письмо. Конечно, писать лень, почта идет до адресата долго, да и дороже это, чем Интернет. Казалось бы, во всем обычные письма уступают электронным, но... ничто не сравнится с тем чувством, которое вдруг возникает, когда в руках оказывается послание со штемпелем, на котором знакомым почерком выведены два адреса. Вот где понимаешь: письма - это кайф.

В Японии культура письма появилась в эпоху Хэйан (9-12 вв.), когда придворные дамы не могли открыто выходить в свет. Между миром женщин и мужчин появилась легкая бамбуковая завеса, сквозь которую невозможно было разглядеть лица. Из-под этой завесы были видны лишь края роскошных шелковых многоцветных одеяний, которые только лишь еще сильнее разжигали любопытство: что это за женщина, которая смогла подобрать такое гармоничное сочетание цветов своего костюма? Наконец, Плененный решался заговорить с той, что скрывалась за завесой. Да вот незадача - ей-то и разговаривать нельзя было, не положено.

Тогда и пришли на помощь письменные знаки древнего японского языка. Мужчина кистью писал даме письмо на прекрасной ароматной бумаге, к которому прикреплял ветку растения или цветок, соответствующий сезону. Так начиналось знакомство. Девушка отвечала своему поклоннику тоже в письменной форме, и уже по ее умению правильно составить ответное послание поклонник мог судить о том, встретил ли он даму своей мечты.

Письма необходимо было составлять в стихотворной форме, и несмотря на то, что ямб и хорей были японцам не знакомы, они сочиняли замечательные стихи, которые стали называть «короткими песнями» или «танка». Танка состоит из 31 слога японской азбуки. В этом коротком тексте достаточно трудно выразить всю полноту чувств, широту кругозора и глубину интеллекта, поэтому часто использовали аллегории, связанные с известными произведениями китайской и японской литературы, преданиями и т.д. Роман в письмах мог продолжаться очень долго, и тем долгожданнее была тайная встреча. Таким образом, благодаря письмам много счастливых влюбленных нашли друг друга в те далекие времена. Если мужчина эпохи Хэйан высказывался о красоте какой-то женщины, то это часто означало и то, что она прекрасно знает литературу, умеет великолепно играть на музыкальных инструментах, и знает толк в одежде.

Существовали очень строгие правила написания писем, издавались учебники-прописи с образцами писем для разных случаев и сезонов. Важно было абсолютно все: качество бумаги, ее цвет, почерк, текст, цветок, который прикрепляли к посланию, — все это вместе создавало определенное настроение - словом, говорило гораздо больше, чем было написано...

*Вот она - настоящая любовь.
В сердце моем ключом
Кипят подземные воды.
Я безмолвно люблю.
Все, что не высказал я,
Сильнее того, что сказал.*

*Друг мой нежный,
Этой ночью на ветвях душистой сливы
Распускаются цветы.
Приходи же насладиться очертаньем их воочию
В третью стражу в час вечерний
С наступленьем темноты.*

В результате всей этой переписки родилась классическая японская проза, которой не перестает восхищаться весь мир. Традиция обмена посланиями сохранилась до сих пор и играет не менее важную роль, чем в средние века. Правила составления писем немного изменились, но остаются очень строгими. Конечно, многие пишут простые информативные письма, типа «Привет, я живу хорошо... Жду ответа, как соловей лета. Вася», но кроме них есть и письма другого рода и назначения.

Например, на Новый год принято посылать открытки без конверта НЭНГАДЗЁ. Эти открытки обязательно доставляют 1 января, когда бы их не бросили в почтовый ящик. Такие же простые открытки посылают, выражая сочувствие по поводу жары (НЭТТЮ) или холодов (КАНТЮ).

В отличие от простых открыток, уведомления и приглашения принято посылать в конверте. При этом адрес получателя предпочтительнее писать иероглифами вертикально (конечно, это не касается латинского шрифта). Считается, что вертикальный текст - знак большего уважения, т.к. более соответствует традициям иероглифического письма. Правила написания необходимых посланий собраны в словари. В них есть примеры писем на все случаи жизни: от дружеской записочки издали до поздравлений по случаю свадьбы и рождения ребенка.

Вообще в японских письмах форма часто важнее содержания. Новогодние открытки носят исключительно официальный характер, это символ поддержания связи между адресатами. Крупные компании часто посылают НЭНГАДЗЁ своим постоянным клиентам, и они продолжают пользоваться услугами этой фирмы.

Японская почтовая продукция — это вообще отдельный разговор. Бумага для писем, конверты, открытки выпускаются в совершенно немыслимых количествах, всех цветов, форм и размеров, от самых простых до празднично украшенных. Простая бумага и дешевые конверты из сероватой бумаги чаще используются в офисах для деловой переписки: они не отвлекают внимание от текста и его содержания. Дорогую бумагу для изящных посланий делают вручную. Васи - японская волокнистая бумага - создает приятное для японцев ощущение теплоты, прикосновения к традициям. А если еще и текст написан вертикально, то вообще слов нет...

Однако во всем этом многообразии главное не ошибиться с выбором. Среди конвертов, в изобилии продающихся в японских магазинах, в глаза сразу бросаются белые конверты с приклеенными к ним украшениями из тонких полосок бумаги золотистой и серебристой, красной и белой, белой и черной.

Вещь исключительно красивая, но любителям писать письма покупать ее не стоит - эти конверты предназначены не для писем, а для денег, в них кладут денежные подарки. При этом яркие конверты - для радостных событий, а черно-белые с лотосами - для похорон. Как говорится, не все то на праздник, что с цветочками...

Несмотря на занятость и бешеный темп жизни бывает очень приятно посидеть за написанием письма знакомому или любимому человеку. Частичка души, вложенная в послание, обязательно передается адресату, так что...

...ПИШИТЕ ПИСЬМА!

Ольга Хованчук

P.S. Как же в письме без него - без постскриптума...

Я же самое главное забыла рассказать про письма: в Японии 23-е число каждого месяца называется «День письма» («фуми-но хи», что происходит от первых букв японских названий чисел 2 «ФУтацу» и 3 «МИцу»). Конечно, мало кто соблюдает эту традицию и достойно отмечает каждый такой день написанием писем, но повод для того, чтобы взять в руки ручку, всегда есть...

ВНЕДРЯЙТЕ КУЛЬТУРКУ... (2004)

Японцев можно смело назвать самой культурной нацией исходя из количества посещений различных культурных мероприятий, например, выставок, театров и т.д. Чаще всего ходят группами, особенно женщины. На кассах выставочных залов и музеев везде есть надпись о скидках на билеты для групп в 10-20-30 человек. Вот где еще раз убеждаешься, что в этой стране очень сильно развито чувство сопричастности коллективу. Клуб пенсионеров, класс школьников, общество домохозяек и т.д. организуются и что-нибудь культурно посещают. Иногда, кстати, только для того, чтобы поставить галочку, типа «Мы здесь были». Особенно это касается выставок европейского искусства. Токийский парк Уэно - место, где на сравнительно небольшой территории сосредоточено до десятка музеев, галерей, выставочных залов, есть огромный концертный зал и зоопарк. В одной из галерей выставались шедевры французского импрессионизма. Народу было так много, что людей запускали по 30 человек. Надежда на полноценное наслаждение выставкой была почти потеряна: ну как в такой толпе можно что-то разглядеть?

Однако результат превзошел ожидания. Оказывается, только японцы могут смотреть на картины импрессионистов с расстояния 20-30 см. Аккуратно выстроившись по указывающей стрелке и дождавшись своей очереди, каждый получал свою порцию великого и прекрасного, не задумываясь о последствиях. Стоя посреди зала, можно было спокойно смотреть на все картины поверх голов присматривающихся к ним японцев...

На выставки традиционного японского искусства ходят действительно из интереса и для того, чтобы отдать дань традициям страны. На таких выставках чаще можно встретить студентов и школьников, знакомящихся со своей культурой. Кстати, во всех школах в начале учебного года целую неделю отдают на организованные поездки по стране. Школьники посещают разные исторические места, поэтому в первых числах апреля наплыв в культурные заведения гораздо выше, чем в любое другое время года. Эти поездки частично финансируются префектуральным управлением, мэрией и бюджетом школы. Конечно, доходы в каждой школе разные, поэтому и поездки разные. Но за несколько школьных лет дети имеют возможность познакомиться с основными историческими местами страны.

Какое благодарное дело что-то выставлять в Японии (если, конечно, удалось преодолеть долгий путь переговоров и бюрократической волокиты)! Во-первых, сборы хорошие, хотя аренда тоже не маленькая. Во-вторых, замечательная организация, которой японцы отличаются во всем. К Вашим услугам предоставят всё - от постоянного терморегулятора в зале, до кнопок необходимой формы, если это указано в условиях проведения выставки.

Этот процесс стоит однажды пережить. Но самое интересное — это работа волонтеров. Дамы пенсионного возраста будут указывать дорогу в выставочный зал, на выставках они очень часто работают смотрителями, к ним можно обратиться с вопросом об экспонатах. Молодежь тоже принимает активное участие в волонтерской деятельности, помогая в трудоемкой работе по сборке и расстановке экспонатов.

И еще немного о сценическом и киноискусстве. Что меня действительно в Японии удивило, так это размер кинотеатров: от 5 до 10 кинозалов, собранных в одном здании. Во всех кинозалах идут разные фильмы, при этом иностранный фильм можно посмотреть как на языке оригинала с титрами, так и с дубляжом. Странность состоит в том, что первый ряд находится в двух метрах от экрана, поэтому при всем желании невозможно охватить взглядом всю картинку сразу, да и шея сильно болит потом. Хотя некоторые японцы прекрасно себя чувствуют, даже сидя на первом ряду... Постоянно устраиваются лотереи, на которых разыгрывают бесплатные билеты на посещение какого-нибудь фильма. Достаточно послать открытку по указанному в афише адресу кинотеатра и надеяться на удачу.

Однажды на гастроли в Японию приезжал нью-йоркский «Метрополитан Опера». В концертном зале уже упомянутого парка Уэно давали «Риголетто». Сюжет оперы помнился смутно, и естественно вся надежда была на программку с либретто. Каково же было разочарование, когда программки в продаже не оказалось вообще, а вместо этого продавали журнал с подробными биографиями актеров. Разочарование стало еще большим, когда по краям сцены на мониторах начали передавать синхронный перевод текста арий. Какое тут наслаждение музыкой, когда в глазах рябит? Но, как известно, русский человек привыкает ко всему...

Кроме несколько неудачного выхода в оперу, мне довелось также побывать на японской постановке «Царя Эдипа». Этот спектакль вызвал исключительно положительные эмоции, несмотря на трагичный сюжет. Титров уже не было, поэтому все внимание удалось сконцентрировать на действе, которое оказалось в высшей степени впечатляющим.

На представления театров Кабуки и Но всегда аншлаги. В Киото есть театр Минами-дза, где дают спектакли кабуки. Когда я в компании японцев высказала свои планы относительно посещения театра, то меня искренне пожалели и сказали, что не получится, потому что все билеты всегда заказаны. То есть в крупных театрах, наподобие Минами-дза, большинство мест уже давно закреплено за определенными людьми и свободных мест очень мало. Билеты стоят баснословных денег, кого попало туда не пускают, и шанс попасть на спектакль чрезвычайно мал даже для самих японцев. Для широкой публики в Токио был построен огромный государственный театр Кабуки. Здесь билет можно купить в порядке живой очереди, но лучше все-таки и в этом случае заказать его заранее. Кроме того, можно присутствовать не на всем спектакле, который длится иногда 4 часа, а взять входной билет только на кульминацию действия, т.е. минут на 30. Этого хватает, чтоб получить впечатления и не устать.

В центральных газетах и по телевидению постоянно идет реклама культурных мероприятий, проходящих по всей стране, поэтому возникает чувство приобщенности ко всем событиям в стране сразу. В субботу можно поехать из Ниигаты в Токио, чтобы послушать «Роллинг Стоунз», а на следующий день оказаться на острове Садо на представлении театра Но...

Были бы средства, можно ездить по всей стране в поисках интересных каждого мероприятий. При этом совершенно неважно, далеко это или нет. Одним словом, в Японии, даже проживая где-нибудь в небольшом городке, никогда не чувствуешь себя обделенным в плане культурного развития...

Ольга Хованчук

ЧУДЕСА В УЗЕЛКЕ (2004)

Бэнто (о-бэнто:) - традиционный обед в дорогу. Спросите, что тут может быть чудесного? Автору тоже так казалось первое время. Путешествия, телевидение и работа с японцами разожгли интерес узнать, что же такое этот «обед в коробочке». Но настоящим подарком судьбы стала весьма недолгая работа на кухне, где делают бэнто.

Оказалось, что для японцев бэнто — это традиция, искусство, наука и удовольствие. Обо всем по порядку.

Конечно, все началось с путешественников и крестьян, которые надолго уходили из дома и брали с собой что-нибудь съестное про запас. Обычно это был вареный рис, который достаточно долго не портится, т.к. сварен без соли и добавок, рыбу сушеную, вяленую или квашеную, соленые овощи и морскую капусту. Уже тогда кулинарная традиция Японии предполагала наличие разнообразного набора продуктов в одной трапезе. По возможности этого правила придерживались и в отношении бэнто.

Бэнто ели в холодном виде, и сейчас его чаще всего не греют. Китайцы, например, предпочитают на обед свежеприготовленную, горячую пищу, поэтому воспринимают бэнто как нечто второсортное. Уже в период средневековья обед красиво укладывали в несколько коробочек, которые затем ставили одна на другую: в нижней - рис, в следующей - рыба и морепродукты, в следующей - овощи (мясо тогда японцы не ели, т.к. буддизм запрещал убивать животных). Так почти в абсолютной неизменности «обед в коробочке» дожил до наших дней.

Сейчас существует огромный выбор готовых обедов на любой вкус, но настоящее бэнто - это рис, а к нему все остальное. Традиционно во «все остальное» входит что-то жареное, вареное, сырое, соленое по типу приготовления; а из продуктов - рыба, мясо, овощи, фрукты, морепродукты или их производные. Один-два пакетика с соусами и палочки завершают сервировку. Любое бэнто обязательно дополняют «соленостями» - ЦУКЭМОНО - которые обычно делают из морской капусты и разных овощей (дайкон, огурцы). Вкусы и виды цукэмоно настолько разнообразны, что иногда к рису подают только несколько видов маринованных вкусов и больше ничего, хотя, конечно, так бывает не часто.

Японцы с присущим им эстетизмом превратили приготовление бэнто в искусство. Представляете, как колдует над содержимым коробочки для мужа молодая любящая жена, отправляя его на работу? А представляете глаза мужа, когда он, решив пообедать, вдруг видит нежно розовые губы из минтаевой икры на фоне белоснежного риса и рядом тонкими полосками морской капусты выложено слово СУКИ!, что означает «люблю»...

Коллеги просто умрут от зависти. Цветочки из моркови на салате оливье просто отдыхают. Так с помощью бэнто выражают высокие чувства. Кроме этого, коробочку с обедом заворачивают в платок-фуросики или кладут в маленький мешочек, часто тоже сделанный своими руками.

Есть большое количество каталогов «Бэнто на каждый день», «Бэнто для детей», где рассказано и показано, как красиво, вкусно и питательно приготовить обед. Тщательно подобранные продукты - залог здоровья, поэтому правильному питанию японцы уделяют много внимания. Диетологом домашнего масштаба является каждая домохозяйка. Всего должно быть в меру: калорий, витаминов, тяжелой и легкой пищи и т.д.

А теперь немного об индустрии бэнто. Есть фабрики и небольшие цеха, где ночью фасуют бэнто, и рано утром они уже на прилавках магазинов. Это очень тяжелая работа - и весьма малооплачиваемая. Такой обед выпускают в пластиковой упаковке, стоит он довольно дешево и по вкусовым качествам не отличается изысканностью, словом - это простая, но качественная еда. Однако есть солидные конторы, которые производят бэнто на заказ по высшему классу. Эти коробочки стоят уже как обед в ресторане, а то и дороже, но удовольствие получаешь на всю заплаченную сумму. Такие бэнто заказывают солидные фирмы во время конференций и т.п. мероприятий. Это действительно произведения искусства «ручной сборки» с живыми цветами и свежайшими продуктами, каждая часть которого символична. Цвет плосечек-чашечек обязательно подчеркивает цвет содержимого. Украшения из рыбной пасты соответствуют сезону: весной и летом — это цветочек вишни или сливы, осенью - кленовый листок. Комбинация продуктов тоже часто отражает сезонность: например, летом - сасими из тунца (МАГУРО), зимой - из лакедры-желтохвоста (БУРИ). Самое главное, чтобы все острые углы были направлены влево вверх.

По синтоистским традициям левая сторона выше правой, поэтому емкость с рисом будет всегда слева, палочки для еды тоже кладут рабочими концами влево, т.е. горизонтально, а не вертикально справа, как это делают в Китае и Корее.

Ну и последнее. Так как бэнто — это еда в дорогу, то никакой вокзал и полустанок нельзя представить без женщины-лоточницы, торгующей готовыми обедами - ЭКИБЭН (сокращение от эки - вокзал и бэнто - обед). На некоторых вокзалах есть совершенно уникальные бэнто, которые иногда делают ограниченными партиями от 10 до 150 штук в день. Тут уж кто не успел, тот опоздал. Японцы ездят на эти вокзалы специально, чтобы попробовать какой-нибудь известный экибэн. Туристические компании устраивают туры под названием «Путешествие за экибэн» (экибэн-но таби). Кстати, бывает, что никаких других достопримечательностей в этой местности больше нет, и только благодаря «обедам в коробочке» сюда валом валит народ. Очень интересный экибэн продавали на маленькой станции на Хоккайдо. В глиняном горшочке был рис, приготовленный вместе с запечённым фаршированным кальмаром. Упаковка, т.е. горшочек - вещь фирменная, и можно быть уверенным, что нигде больше в Японии нет такого экибэн...

Ольга Хованчук

ВОДА, ВОДА, КРУГОМ ВОДА! (2004)

Совершенно естественно, что, говоря о Японии, нельзя не затронуть тему воды. Во-первых, потому, что это страна, со всех сторон окруженная морями-окиянами. Во-вторых, потому что японцы всегда трепетно относились к воде. Без нее нельзя ни вырастить, ни сварить хороший рис, ни сделать вкусное сакэ или чай. Одним словом, вот уж где без воды «и ни туды, и ни сюды», так это в Японии.

Обратимся к географии. Берега Японии омываются Японским морем, Охотским и Восточно-Китайским морями, Тихим океаном и Внутренним морем - Сэтонайкай, или Сэтоути. Это кладезь не только соленой воды, но и всего разнообразия морепродуктов, без которых невозможно представить японский стол, а также источник хорошего настроения для тех, кто любит проводить купальный сезон на многочисленных пляжах.

В третий понедельник июля празднуют День моря. Школьники дружно выходят на морской берег и убирают весь мусор (точнее все, что попало под руку и смогли унести), который принесло на волнах за год.

Именно с этого дня и до 15 августа длится официальный купальный сезон. Считается, что до Дня моря вода еще холодная, а после 15 августа появляются ядовитые медузы. Правила неписаны только для серфингистов и иностранцев. Эти лезут в море, когда им вздумается, и получают удовольствие по полной программе с мая по октябрь. Поклонники волны едут на тихоокеанское побережье острова Сикоку. Любители дайвинга находят пристанище на всем юго-западном побережье. «Крутые» курортные места расположены на Окинаве.

С соленой водой разобрались. Теперь о пресной.

Самая большая река - Синаногава - находится в префектуре Ниигата. Именно ее притоки снабжают всю префектуру водой для рисовых полей, на которых выращивают основной урожай риса в стране, а Ниигату из-за этого, как известно, называют «рисовой чашкой Японии».

Самое большое озеро Японии - Бива - расположилось в префектуре Сига и прекрасно себя там чувствует. На его берегах построили множество гостиниц, из окон которых видна самая красивая водная гладь страны.

В г. Киото протекает небольшая речка Камо. Ее вода не уступает по составу и свойствам всемирно известным французским источникам Виши. В средние века все японки знали, что воды этой реки могут любую девушку сделать красавицей. Именно поэтому Киото всегда считался городом красивых женщин. Та же самая вода делала красивыми не только людей, но и расписные ткани, которыми славилась Старая столица.

Только в наши дни ученые узнали химический состав воды этой реки и доказали, что она действует на натуральные красители, как проявитель и закрепитель на фотобумагу. До сих пор в середине лета на р. Камо красильщики проводят своеобразный праздник-обряд полоскания тканей в реке, расцвечивая поверхность воды множеством полос материи для кимоно.

За многие века сложился список мест, известных своими водами: чистыми, вкусными, красивыми, чудодейственными и т.д. Этот список называли МЭЙСУЙХЯКУ - «сто знаменитых вод». Считалось, что в том же Киото в парке рядом с Серебряным павильоном, находится источник с самой чистой водой во всей Японии. Жители других мест чувствовали себя обделенными вниманием, т.к. и на их территории тоже были родники с хорошей водой, поэтому с 1985 г. периодически проводят всеяпонское голосование, чтобы определить сто самых чистых источников.

Природа наградила Японию множеством минеральных родников, горячих и не очень. Предприимчивые товарищи, воспользовавшись этим даром, приобретают неиссякаемый источник дохода. Минералку фасуют по пластиковым бутылкам и везут во все уголки страны. Выбор чистой негазированной воды в супермаркетах просто поражает. Японцы редко выезжают за границу, не прихватив с собой пару бутылей со «своей» водой.

Отдельного разговора достойны горячие источники - ОНСЭНЫ. У подножия вулканического пояса горячие воды, наполненные различными химическими веществами, выходят на поверхность, где их сразу же облагораживают и используют в оздоровительных целях. На месте, где бьет онсэн, строят или общественные бани, или целый курортный комплекс.

Такой бизнес никогда не бывает убыточным, поэтому те, кому удалось-таки обнаружить онсэн и построить хорошее место отдыха, обеспечивают будущее себе и потомкам. Под строительство онсэнов банки охотно дают деньги.

Каждый онсэн неповторим по минеральному составу и помогает при различных заболеваниях. Воду некоторых даже можно пить. На территории онсэна несколько бассейнов с горячей водой от 35 до 42 градусов и обязательно один с холодной - около 17 градусов. Большой популярностью пользуются бассейны под открытым небом - РОТЭНБУРО. Сидя в воде, можно наслаждаться свежим лесным воздухом и красотами окружающей природы. Во многих онсэнах делают сауны, комнаты с лечебным паром, ароматические бассейны, джакузи. Сюда приезжают компанией как минимум на пол дня. Бюро путешествий предлагают большое количество путевок выходного дня с ночевкой в онсэне, изысканной кухней и недорогими транспортными расходами. Эдакий физический и духовный отдых, после которого действительно чувствуешь, что за спиной выросли крылья.

Одним словом, в Японии «всегда и везде вечная слава воде»!!!

Ольга Хованчук

ПРАЗДНИКИ И БУДНИ БОГОВ (2004)

Работа заняла второе место на первом конкурсе эссе по синто, проводившемся Международным научным обществом синто

Пели птицы, синие горы встали на цыпочки, пытаюсь поймать последние лучи заходящего солнца. В святилище уже было много народа. Шум, веселье, детский лепет - казалось, весь город собрался здесь в этот тихий осенний вечер. Все приготовления к представлению были закончены, служители разжигали костры, а в воздухе витал едва уловимый аромат свежей древесины. В этой праздничной атмосфере терялось чувство реальности, все ощущали себя участниками мистерии, главными действующими лицами которой были Боги.

Ритуальные танцы «кагура» - «забавы богов» - древняя синтоистская традиция. Мистерии устраивали во время синтоистских праздников и церемоний в святилищах. Было известно о двух видах кагура - официальных, которые проводили в крупных святилищах Исэ, Идзумо, в императорском дворце, и народных, наподобие тех, которые устраивали в небольшом городке Цубамэ префектуры Ниигата, где автору довелось побывать.

Впервые упоминания о кагура появились в японских источниках в IX в., ритуальные танцы были проведены на церемонии объявления нового девиза правления в 859 г. С 1075 г. по приказу императора Сиракава кагура устраивали в императорском дворце ежегодно в декабре. [1] Как прямой потомок богов император лично участвовал в церемонии открытия. Он осматривал зал, в котором должно было проходить представление, и давал свое высокое согласие на начало церемонии. Кагура проводили в зале синтоистского святилища или в специально отведенной для этого комнате императорского дворца. Примерно с конца XII в. для представлений стали строить помосты вне зданий. Затем над помостом возвели и крышу, как над сценой театра Но. В этом виде помост для кагура дошел до наших дней.

Кагура берут свое начало в японской мифологии. Благодаря танцу и песням богини Удзумэ-но микото жители неба смогли выманить Аматаэрасу из небесного грота. Удзумэ-но микото украсила голову ветвями деревьев, в одной руке она держала шест с бубенчиками, в другой - пучок молодых листьев бамбука с привязанными полосками ткани, которым размахивала над собой. Именно эта сцена из мифа была символично сыграна в первых представлениях.

С момента возникновения кагура появилось множество танцев, сюжетом которых был не только миф о сокрытии в гроте, но и миф о сотворении японских островов и другие эпизоды из жизни Богов. К началу XX в. при святилище в Исэ составили традиционный классический список из 37 танцев.

*Участники кагура в Цубамэ, префектура
Ниигата. Фото Ольги Хованчук*

Часть из них была посвящена ритуальным предметам: священному дереву сакаки, синтоистским бубенцам, мечу, луку для стрельбы, тканям и т.д. Другая часть танцев рассказывала о персонажах мифов: Идзанами и Идзанаги, Сусаноо, Удзумэ-но микото и других богах. Только в Исэ и императорском дворце исполняли полный список танцев.

Народные кагура существовали во многих районах страны, в них отражалась самобытность местных традиций. Такие представления назывались неофициальными и не вносились в общий перечень.

«Общество сохранения кагура» города Цубамэ с момента своего основания гордилось тем, что оно продолжало традиции классического варианта мистерии.

Благодаря архивам святилища и активной помощи жителей города были восстановлены 30 танцев. Как было установлено еще в XI в., представления проходили в течение трех вечеров. В IX - X вв., по сведениям хроник, кагура длились семь или даже десять дней. Ход всей мистерии не изменился за многие века, и до сих пор практически одинаков, где бы кагура ни проводилась, во дворце или в деревне.

С наступлением сумерек главный служитель святилища вынес на помост шест, с прикрепленными к нему ветвями дерева сакаки и полосками белой сложенной бумаги, ознаменовав начало представления.

Как только он скрылся за пологом, раздались тихие ритмичные звуки барабанов, затем к ним присоединилась флейта фуэ и хитирики, и последним вступил кото. Музыкантов с самых ранних времен обычно было пять, хотя строгих правил на этот счет не существовало. Они играли мелодию со сложным ритмическим рядом, в которую флейты вносили гармоничные акценты, то тусклые грустные, то яркие радостные. На слух европейца эта мелодия казалась монотонной и скучной, но для японцев в ней заключался мир вековых традиций, божественного спокойствия. Мелодии для всех танцев были разные, но ритм мог быть одинаковым.

Большинство танцев сопровождалось пением. Текст песен невозможно было разобрать на слух не только потому, что они исполнялись на старояпонском языке, но и из-за особого стиля исполнения, принятого также в театре Но.

Глубокое и протяжное гортанное пение всегда являлось важным дополнением к образу персонажа, находившемуся на сцене. Сборники песен были написаны еще в середине X в., и на протяжении долгого времени они дополнялись и исправлялись. Так дошли тексты песен для тридцати танцев, некоторые из которых были внесены в «Собрание старых и новых песен Японии». Например, во время танца под названием «Сакаки» исполняли текст такого содержания:

*Как прочные листья
(Душистого) сакаки,
Что не увядают
И при восьмикратных морозах,
Вечно юны девы, что служат богам... [2]*

Классические танцы кагура всегда исполняли девушки, служившие в святилищах. В большинстве хроник говорилось, что всего принимало участие в представлении восемь девушек. В крупных святилищах сохранилась именно эта традиция. В деревенских представлениях постепенно стали участвовать и мужчины-служители, исполнявшие танцы об изгнании злых духов, о сражении Сусаноо с драконом. Движения всех танцев были просты, неторопливы и символичны.

В народных танцах кагура очень часто использовали маски, заимствованные из Саругаку - народных развлекательных представлений. Чаще всего это были маски злодеев, героев, духа Тэнгу. Кроме того, в деревенских мистериях в завершении каждого дня после «танцев богов» показывали небольшие сценки, наподобие фарса кёгэн. В конце такой сценки ее герои - два веселых старика и женщина-кругличка - разбрасывали с помоста сладости и рисовые лепешки моти.

Японцы считали, что это дары богов, которые приносят счастье, удачу и исполнение желаний. Святилище получало эти сладости от тех, кто накануне делал подношения богам по случаю праздника. Больше всего этому радовались, конечно, дети, которые еще долго хвалились друг перед другом тем, что смогли поймать.

Так закончился последний день представлений, и святилище постепенно пустело. Служители гасили огни, музыканты собирали инструменты. На гладком деревянном полу в беспорядке лежали костюмы для кагура, некоторые из них хранились в святилище уже два века, но все равно выглядели, как новые. Парча и шелк загадочно мерцали в неярком желтом свете фонарей. Пожилой служитель начал аккуратно разбирать весь этот ворох. Он брал в руки вещи и рассказывал об истории каждой из них.

С древности священнослужители танцевали в обычных храмовых одеяниях, и особых костюмов для кагура не было. Лучшего выбора представить было невозможно - божественные танцы исполняли в священной одежде, изготовленной по строгим правилам. В ранних японских хрониках встречалось выражение «божественная несшитая одежда». Это отнюдь не означало, что для ее производства не использовали иглу и нитки.

Ткань для таких одеяний не разрезали по горизонтали, ее сшивали только по вертикальным линиям. Полотнища материи оставались цельными, что символизировало первозданную нетронутость и чистоту. Синтоисты верили, что такая одежда, связывает человека с богами и охраняет его душу от злых духов. Ткань для шитья (по крайней мере, для нижнего слоя одеяний) тоже использовали особую - из волокон пуэрарии. Иероглиф, которым записывали название этого растения, нередко заменял само слово «ткань». Синтоистский костюм развивался вместе с национальной одеждой, но по-прежнему неизменными оставались принципы его изготовления.

Ткачество, заимствованное из Китая еще на заре истории Японии, изначально считалось занятием богов. Аматаэрасу была искусной ткачихой. Когда в покои Аматаэрасу ворвался Сусаноо, она ткала небесную материю, что являлось ее обычным занятием на досуге. На узорчатых тканях, которые она создавала, расцветали диковинные цветы, появлялись прекрасные птицы. Аматаэрасу ткала ткань Мира, благодаря чему он становился разнообразнее.

Когда Удзумэ-но микото, танцующая перед гротом, стала срывать с себя одежду в экстатическом трансе, ее пояс развязался и длинными лентами вился вокруг танцующей богини. Остальные жители Неба украсили ветви деревьев полосками белой и голубой ткани, сотканной из волокон пуэрарии, которой приписывались магические свойства. Аматаэрасу как истинная мастерица не смогла сдержать любопытства и выглянула из пещеры, чтобы рассмотреть, что это была за ткань. Впоследствии именно эти ленты материи стали прообразом одного из основных синтоистских атрибутов - полосок белой сложенной бумаги (гохэй), которыми обозначают священные предметы, места, используют в церемонии очищения.

Вместе с ткачеством в Японии распространился миф о ткачихе и волопасе - звездах Вега и Альтаире. Он тоже пришел из Китая и еще раз подтверждает, что боги имели непосредственное отношение к производству тканей. День встречи влюбленных на «Сорочьем мосту» отмечается повсеместно в Японии как праздник Танабата, но это еще и День богини-ткачихи Орихимэ, покровительницы всех ткачей. В этот день ветви деревьев украшают полосками разноцветной материи.

До сих пор идут споры о том, когда же Дзимму привез на территорию Японии тутовое дерево, но нет сомнения, что это произошло еще до нашей эры. В хрониках 188 г. говорится, что китайский император подарил правителю страны Ва (древнее название Японии) коконы шелкопряда. С тех пор сады тутового дерева выращивали при императорском дворе. Разведением шелкопряда и ткачеством занимались исключительно императрицы и принцессы, считая это занятие единственно подобающим для потомков богов. При императоре Юряку (456 - 479 гг.) для этого были выстроены особые покои императрицы, где стоял ее ткацкий станок.

При дворе императора Ингё (412 - 453 гг.) была введена должность «Великий глава рода ткачей» (хатори-но мурадзи), который заведовал гардеробом правителя. Его главной обязанностью был контроль соответствия тканей и одежды правилам синтоистского ритуала. Благодаря контактам с Кореей и Китаем искусство производства тканей быстро развивалось. Ткачей из этих стран всегда принимали при дворе японских правителей с высокими почестями, именно они стали основателями сословия ткачей - хаторибэ. [3] В древности узорчатые ткани имели такую же ценность, как золото и драгоценные камни. Они в процессе использования приобретали еще большую ценность. Такие ткани являлись вторыми по значимости подношениями синтоистским божествам. Они считались живыми вещами, потому что были сотканы руками человека, который вложил в них определенный смысл. Если человек создавал ткань с добрыми мыслями, то вещи, сшитые из нее, несли добро, поэтому к процессу ткачества японцы всегда относились очень серьезно и никогда не брались за него, пребывая в плохом настроении.

Три императорские регалии - зеркало, меч и яшма - испокон веков были обернуты в несколько слоев материи. Синтоисты верили, что вещь может потерять душу, если ее тщательно не упаковать. Поэтому, чтобы сохранить священную душу регалий, их никогда не разворачивали, лишь по мере необходимости меняли верхний слой парчи. Ткань для этого ткали старинным способом с определенными орнаментами, которые являлись оберегами от темных сил. В связи с этим же верованием в эпоху Хэйан (VIII-XII вв.) в аристократической среде распространился чрезвычайно многослойный костюм.

Женская придворная одежда иногда насчитывала до 20 слоев, каждый из которых отличался по цвету, создавая великолепные неповторимые сочетания.

Ранний анимизм, наделявший душой все вещи и живое, проявился в том, что с древности цветам, орнаментам и элементам одежды приписывались различные магические свойства. Красители часто изготавливали из лекарственных растений, поэтому и цвета наделялись сакральным значением. Трава мурасаки, из корней которой получали лиловую краску, применялась как кровоостанавливающее средство, а лиловый цвет считался болеутоляющим. Верили в благотворное влияние на здоровье синего и розового цвета. Красный цвет считался полезным для кровеносных сосудов и имел свойство оберегать от злых духов. Впоследствии люди верили, что красный цвет способен уберечь от пожара. Если загоралось какое-то строение, то на соседних зданиях вывешивали красную ткань, чтобы обмануть духа огня и отвести пламя от жилища. Пожарные тоже нередко надевали красную одежду. Выбор цвета зависел от приписываемых ему свойств, ткани окрашивали не только потому, что это было красиво, но и потому, что цвет был оберегом для человека.

Символы синто в основном связаны с природой, ее гармонией и естественностью. Сезонность пронизывает все стороны жизни и искусства. Мотивы времен года воплощались в цвете, орнаменте, сочетаниях. Цвета одежд и их названия определялись периодами цветения растений. Отраженная в орнаменте природа давала человеку возможность ощутить единение с ней и внутреннюю гармонию. Красота одежды неразрывно связывалась с красотой природы. Большинство орнаментов для кимоно были взяты из традиционных сюжетов четырех времен года, которые широко распространились в живописи. Орнамент и цвет кимоно и всех его принадлежностей, включая пояс, должны отражать сезон года и тем самым гармонизировать с окружающим миром. Выбирая кимоно, женщины всегда выбирали орнамент, соответствующий сезону, благодаря этому они более чутко воспринимали малейшие изменения, происходившие вокруг. Сэй Сёнагон так описала один из осенних нарядов придворной дамы эпохи Хэйан: «Дама казалась настоящей красавицей... на ней была нижняя одежда из густо-лилового шелка, матового, словно подернутого дымкой, а сверху другая - из парчи желто-багрового цвета осенних листьев, и еще одна из тончайшей прозрачной ткани. Пряди ее волос, волнующие ветром, слегка подымались и вновь падали на плечи. Это было очаровательно... Да, она умела глубоко чувствовать!..»

Правила сезонности присутствовали и в мужском костюме, с единственной разницей, что в их распоряжении существовало не так много сезонных цветов и орнаментов. Мужчины уделяли не меньше внимания узорам на своей одежде, чем женщины. Изображая на одеяниях, например, цветы сакуры, владелец верил, что приобретет такую же стойкость, как это дерево. [4]

С приходом к власти военного сословия в конце XII в., самураи вырабатывают главный принцип этого периода: «Безупречный внешний вид - безупречный дух». Два понятия определяли друг друга. Этот принцип был призван держать человека самодисциплинированным и высокоморальным, хотя, конечно, внешняя безупречность не всегда являлась показателем высокой нравственности. Чистота была одной из этических норм самурайства. Представители военного сословия верили, что физическая чистота человека, опрятный вид, костюм, соответствующий кодексу, могли очистить дух воина, его разум и воспитать в нем человеколюбие и уважение к долгу.

Японцы с давних времен верили, что одежда способна менять не только внешний облик человека, но и его дух. В сказке «Повесть о старике Такэтори» приемная дочь дровосека должна была вновь вернуться на луну, откуда она прилетела. Для этого ей необходимо было переодеться в лунное платье, надев которое, Кагуя-химэ стала бы похожей на всех лунных жителей и забыла обо всем, что с ней происходило на земле. Без этой одежды она не могла подняться в небо. В театральных представлениях Кабуки и Но широко используют прием с быстрой сменой одежды, когда необходимо показать скрытую сущность героя.

Комплекс верований, связанных с одеждой, сформировался к VIII в. В средневековой литературе, особенно в ранней поэзии, осталось очень много упоминаний об этих обрядах, традициях и суевериях. Чтобы всегда любить и помнить друг друга в разлуке, люди обменивались нижней одеждой. Считалось, что благодаря такому обмену, они поддерживают друг с другом духовную связь на расстоянии.

*Одежду, что в знак памяти дала
Моя любимая,
Я вниз надену,
До дня, пока вдвоем не буду с нею,
Одежду эту не сниму. [5]*

Был обычай класть друг другу в изголовье свои рукава, поэтому во время разлуки верили, что, если положить себе под голову вывернутый рукав, то приснится любимый человек.

*Каждой ночью, как ложусь,
В изголовье я кладу
Белотканый твой рукав...
И нет ночи ни одной,
Чтоб не видел я во сне
Милую мою жену. [6]*

Обычай махать вслед уходящему человеку существует у многих народов, а чтобы фигуру было лучше заметно издалека, в Японии махали рукавом, вместо европейского платка. Если же хотели, чтобы кто-то поскорее вернулся, то выходили на обозреваемое место с отогнутыми рукавами

*...Все стоишь ты у ворот,
Прислонившись,
И зовешь,
Отгибая рукава. [7]*

По обрядам, связанным с беременностью и родами, женщины должны были носить определенные одеяния. После того, как беременность становилась заметной, полагалось надевать специальный пояс красного или белого цвета (ивата-оби). [8] За несколько дней до родов весь дом, где находилась будущая мать, завешивался внутри белой тканью, и все, кто был в доме, надевали белые одежды.

В своем дневнике Мурасаки Сикибу писала о приготовлениях к рождению ребенка во дворце: «Еще не наступил рассвет 10-го дня, как покои государыни уже преобразились, а сама она перебралась на помост, закрытый белыми занавесями». [9] Такое белое убранство дома меняли только на 100-ый день после рождения. На 3,5,7 дни новорожденному подносили дары, чаще сладости и одежду. В один из этих дней проводили обряд надевания первого платья - «Кисо хадзимэ», при котором младенца торжественно облачали в его первый наряд, сшитый из пояса, который мать носила во время беременности. Эта одежда охраняла малыша от злых духов в первые три месяца после рождения, так как в этот период он еще не был представлен богам, и они не могли его защитить. В 3-4 года проводился обряд надевания юбки или штанов, в зависимости от пола ребенка, а в 12-14 лет девочке повязывали складчатый шлейф (мо), и с этого момента она считалась взрослой и готовой к замужеству. За многие века эти обряды трансформировались в современный праздник «ситигосан».

Пояс-химо, тонкий и длинный шнурок или тесьма, с древних времен имел особое значение. Его название произошло от двух иероглифов - хи-мо - «священная вещь, прикрепленная к юбке-мо». Священной вещью он стал опять же в мифе об Аматэрасу. Когда она вышла из грота, жители неба заперли богиню во дворце и окружили его веревкой «симэнава» из рисовой соломы. Эта веревка стала одним из главных синтоистских символов, а в одежде она соотносилась со шнурком, которым подпоясывали костюм.

В поэтической антологии «Манъёсю» содержится большое количество стихов, в которых, так или иначе, упоминается пояс и связанные с ним обычаи, что наглядно показывает глубокий смысл, вкладываемый японцами в эту часть костюма. Слово «свадьба» на японском языке звучит как «связанные вместе», а китайский иероглиф «завязывать» имеет также значение «давать жизнь человеческой душе».

Пояс считался амулетом, охранителем души, а узел на поясе - символом верной любви. Японцы верили, что он связывает людей с богами. Расставаясь, супруги завязывали друг другу пояс и клялись сохранять верность до возвращения.

Пояс никому не показывали, кроме мужа или жены. Вместе с традицией скрывать пояс-химо появился оби - более широкий (до 10 см) пояс, он стал частью декора одежды. При завязывании банта, единственного украшения женского костюма, в эту процедуру вкладывали всю душу и любовь. В VIII в. оби ненадолго вышел из обихода, его начали использовать вновь только в IX в.

В древности члены одного рода завязывали свои пояса одинаковыми узлами, которые стали прототипами фамильных гербов. Веревку с такими знаками использовали для обозначения своей территории в неосвоенных местах. Веря в то, что пояс-химо и узел дают защиту богов, человек мог заночевать где угодно в одиночку, окружив себя веревкой с завязанными на ней личными узлами.

На протяжении веков через соблюдение синтоистских традиций японцы пытались оградить себя от злых духов и получить защиту богов, и сейчас они продолжают чувствовать эту связь с богами и стараются сохранить ее. Это чувство постепенно проникает в саму человеческую сущность, и люди стремятся к правильности действий, мыслей, следованию ритуалу и обычаям общества, к повышению своего духовного и нравственного уровня.

За неспешным интересным разговором с пожилым служителем незаметно пролетело время. Ночь давно охватила город, звезды сверкали в небе, где-то среди них сияла и Вега-Ткачиха. Жизнь на Небе ничем не отличалась от жизни на земле. В ней тоже были свои праздники с песнями и танцами и будни, проходившие в трудах и заботах. Главный служитель наглухо запер ставни алтаря и погасил последний фонарь. Боги и люди ушли отдыхать, чтобы с рассветом опять продолжить творить ткань Мира.

Ольга Хованчук

Примечания

1. Синто дайdzитэн (Большой словарь синто). Токио, Кадогава, 1990. - с. 304.
2. Кокинвакасю (Собрание старых и новых песен Японии). М., «Радуга», 1995, 3 т. - с. 179.
3. Helen Benton Minnich. Japanese costume and the makers of its Elegant Tradition. Tokyo, Tuttle Co., 1986. - p. 49.
4. Мияко-но модо: кимоно-но дзидай (Kyoto Style: trends in 16th-19th century kimono. Bilingual). Составитель Мураками Акира. Национальный музей Киото, 1999.- с. 32.
5. Манъёсю: избранное. М., Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. - с. 85.
6. Там же. - с. 107.
7. Там же. - с. 99.
8. Маркарьян С.Б., Молодякова Э.В. Праздники в Японии: обычаи, обряды, социальные функции. М., Наука, 1990. - с. 118.
9. Мурасаки Сикибу. Дневник. С.-Пб., Гиперион, 1997. - с. 41.
10. Манъёсю: избранное. М., Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. - с. 111.

ОПЕРАЦИЯ «Ы» ИЛИ ЯПОНСКИЕ БИЗНЕСМЕНЫ ВО СНЕ И НАЯВУ (2005)

Для многих из нас Япония всегда ассоциировалась со страной сбывающихся надежд, «розовым раем», где получится все, за что бы ни взялся. Однако те, кому вдруг захотелось завязать партнерские отношения с представителями японского бизнеса, сталкиваются с необъяснимыми для русских проблемами.

Наверное, в такой ситуации необходимо задаться вопросом: «А почему это японцы вообще должны сотрудничать именно с вами?» Каждый отдельно взятый современный японец ничего в России не терял, и искать ему тут, в общем-то, нечего. Кроме того, надо помнить, что он ведь тоже предприниматель и в любом предприятии ищет выгоду для себя. Заинтересовать японцев в сотрудничестве достаточно сложно, но возможно. Но пока они не будут уверены в том, что их никто не обманет, что каждый получит указанный в контракте кусочек прибыли, и что все условия договора будут выполнены, никакие проекты не сдвинутся с места.

Иногда русские бизнесмены жалуются, что японцы ведут бизнес как-то не по-русски и совсем не подстраиваются под нас.

Правильно, они же японцы, откуда им знать, как мы тут управляемся с делами. Вот тут-то и начинается самое интересное. Работает принцип «начни с себя». Кто хочет сотрудничать, тот и должен начать подстраиваться первым. Если показать японцам свою искренность, открытость, способность к компромиссу и стремление понять и соблюдать их стиль работы, то они охотнее пойдут на контакт.

Все это не прихоти японского бизнеса (да и вообще японцев в целом), а результат исторического развития. За последние два века в Японии сложилась четкая модель поведения в сфере труда и отношения к нему. Рядовой японец считает своим долгом работать так, как его отец и т.д., пусть даже этот долг его тяготит. Система отлажена настолько, что она функционирует с небольшими изменениями уже на протяжении многих веков. Любые сбои в этой системе воспринимаются как стихийное бедствие. Как показала история, основной причиной сбоев системы были иностранцы, поэтому японцы относятся к ним с большим недоверием. Неравноправные торговые договоры с европейскими державами середины XIX в. (и не только они) принесли свои плоды, выразившиеся в чрезмерной подозрительности к иностранцам. Поэтому немало будет переговорено, выпито и перепереговорено, пока японец решится на какие-либо действия.

Больше всего японские бизнесмены боятся непредсказуемости, а для русских непредсказуемость — это стиль жизни. Ситуации, когда все решается сейчас, переигрывается через час и делается наоборот на следующий день, в России случаются постоянно. Для Японии это немыслимо.

«Доверие и постоянство» самые главные определения настоящего японского бизнеса. Если что-то было решено один раз, то это навсегда. Именно поэтому процесс принятия решения длится долго, чтобы все предусмотреть, учесть, просчитать все ситуации, оповестить всех возможных участников мероприятия, получить их согласие и т.д., и т.п. Процесс «подтвердить и уточнить» иногда приводит наших в полное недоумение. Как часто можно услышать фразу: «Да что они такие тупые, что с одного раза нельзя понять и запомнить?!» Нет, память у них хорошая, просто так принято делать. Зато такой договор будет исполнен при любых обстоятельствах, потому что для уважающей себя компании это дело чести. Небольшой пример. Однажды русская фирма заказала в японской фирме товар, но за время выполнения заказа, закупочная цена повысилась и довольно сильно. Однако японская фирма продала этот товар за ту цену, которая была зафиксирована в договоре, несмотря на убытки.

С другой стороны, такое четкое следование однажды выбранному плану, вызывает проблемы у самих японцев. На вопрос «Что делать?» у каждого русского в голове всегда есть план «А» и еще как минимум планы «Б» и «В». На каждую непредсказуемость мы готовы ответить еще большей непредсказуемостью. Однако незапланированные японским умом ситуации все-таки случаются, и японцы справляются с ними тяжело.

В мультфильме «Жизнь муравьев» (The Ants) есть эпизод, когда на муравьиную тропу падает ветка. Муравьи были поставлены в нештатную ситуацию, которая вызвала панику. Почему? Дорога одна - вперед - а перепрыгнуть через ветку или сдвинуть ее не получалось. Тот, кто предложил обойти ее, стал национальным героем!

«Постоянный клиент» для японцев - святое. Японские фирмы дорожат клиентами (как и везде), а клиенты в свою очередь отвечают постоянством отношений с данной фирмой. Новые клиенты часто обращаются за услугами по чьей-то рекомендации. Рекомендация, знакомство, блат - назвать можно как угодно, но это двигатель отношений между японцами во всех сферах. Если человек смог зарекомендовать себя хорошо хотя бы перед одним японцем, который пользуется уважением в определенном кругу, последний сам станет рекомендовать нового человека другим членам своего круга. Однако японец не будет этого делать до тех пор, пока на сто процентов не будет уверен, что его протеже не подведет и будет выполнять все правила круга, в который его пустили.

С японцами можно вести дела, и очень активно, если стоять на основах честного открытого и взаимовыгодного бизнеса. Это не трудно. Просто мы разные, и со многими вещами придется мириться. Конечно, и в Японии есть самодуры и аферисты, но если не начать, то ничего не будет.

Все вышесказанное лишь маленький кусочек субъективного опыта, касающегося жизни японского бизнеса. Надеюсь, что он будет кому-то полезен.

Ольга Хованчук

А ДОРОГА СЕРОЮ ЛЕНТОЮ ВЬЕТСЯ... (2005)

Благодаря широкой сети обычных городских дорог и скоростных автомагистралей по стране Японии курсирует огромное количество автотранспорта. Хотелось бы немного рассказать о той его части, которой люди пользуются как пассажиры.

По стране ходит множество автобусов дальнего следования. Поездка в таком автобусе - весьма приятное времяпровождение. Так, за время рейса можно посмотреть пару фильмов, которые показывают по видеомэгнитофону - проблема только в том, что они на японском языке. Если же практика языка не нужна, то можно послушать местное автобусное радио, по которому транслируют несколько музыкальных каналов с музыкой разных стилей. Если и это не устраивает, то можно просто смотреть в окно, наслаждаясь красотами японской природы, что тоже неплохо.

По пути автобус останавливается на станциях обслуживания - САБISУ ЭРИА - где можно подкрепиться, прогуляться и воспользоваться маленькой комнаткой с буквами М или Ж.

Кстати, японцы почему-то редко пользуются туалетом в самом автобусе. Еще реже они пьют в автобусе бесплатный кофе, предпочитая купить такой же на станции обслуживания.

Каждое сидение в автобусе снабжено столиком и подставкой для ног. Японцы не очень любят долго быть обутыми. В хороших автобусных компаниях в индивидуальный набор пассажира, кроме наушников для радио и мешка для мусора, входят еще и одноразовые бумажные тапочки. Японский автобус — это, кроме всего прочего, еще и друг студента, потому что это один из самых дешевых видов транспорта дальнего следования.

Городские автобусы - основной транспорт в тех японских городах, где нет метро. Автобусы ходят по расписанию, которое соблюдается очень тщательно. Даже в час пик опозданий почти нет, потому что для автобусов отделена полоса движения, по которой простые машины не могут ездить в определенное время суток. Водителей автобусов смело можно назвать лихачами, так быстро они ездят и так ловко лавируют по узким улочкам. Пассажиры входят через заднюю дверь, а выходят через переднюю, оплачивая проезд. При входе необходимо взять билетик с номером зоны, где вы вошли в автобус. На выходе вместе с этим билетиком в автомат опускают плату за проезд. Деньги необходимо опускать под расчет, потому что автомат сдачу не дает. Если у вас нет необходимых монет, то можно разменять деньги заранее в этом же автомате. Проезд достаточно дорогой. Для поездок на автобусе очень выгодно покупать различные проездные: однодневные или на месяц.

Можно приобрести билеты впрок или оплачивать проезд карточкой, что тоже выходит дешевле.

Несколько интересных фактов о такси. Поймать такси на улице не всегда просто, лучше вызвать машину по телефону. Есть такси, которые курсируют по городу в поисках клиентов, но их мало. Большинство же «стоят на приколе» в исходных точках, где-нибудь около больших магазинов и учреждений, у вокзалов и т.д. За посадку необходимо заплатить 600-680 иен, сюда входит первый километр пути, каждый следующий оплачивается по тарифу. В такси нельзя садиться больше 4 человек - нарушение карается законом. Сейчас, правда, отвечая спросу, стали появляться машины с двумя сиденьями впереди, так что могут сесть пятеро. Конкуренция фирм извоза достаточно высока. Каждая фирма пытается предоставить клиентам наибольший комфорт и хорошие услуги. Такси - дорогой транспорт, но люди им охотно пользуются.

Личного автотранспорта много, но весь он, если можно так сказать, очень маленький. Японцы не любят крупногабаритные машины, с ними слишком много проблем: большой расход горючего, дефицит запчастей, проблемы с парковкой, узкие улочки и т.д. Большие автомобили настолько редки на японском внутреннем рынке, что даже в специализированном магазине, например, практически невозможно найти диски больше, чем на 17 см. в радиусе. Экономия пространства, времени и горючего привела к появлению совсем крохотных машинок, рассчитанных на двоих или даже одного человека.

Находясь на улице, обратите внимание на два значка, прикрепленные на некоторых автомобилях. Один из них похож на оперение стрелы желто-зеленого цвета, а второй выглядит как перевернутая капля, и цвет имеет желто-коричневый.

Первый знак означает, что за рулем стажер, а второй - что за рулем пожилой человек старше 65 лет.

Все население Японии можно условно разделить на велосипедистов, велосипедисток и велосипедят. Сев на японский велосипед, можно почувствовать себя королем дороги: велосипедисты в большинстве случаев имеют преимущество как перед автотранспортом, так и перед пешеходами. Можно сказать, что велосипедист в Японии всегда прав.

И, конечно, не надо забывать, что велосипед - очень экономичный вид транспорта. Все, что необходимо для поездки на велосипеде — это плотный завтрак седоку и масленка в багажнике. Проблемы с топливом и парковкой по понятным причинам отсутствуют. Если нет запрещающего знака, то двухколесное транспортное средство можно припарковать где угодно, даже посреди тротуара. Люди будут его обходить, но никто не сдвинет велосипед с места, даже если он всем мешает.

Каждому русскому, сажающемуся на японский велосипед, надо помнить, что у велосипедов этой части света нет заднего педального тормоза, только ручной. Вечером обязательно

Нужно включать фонарик, а то нарушителя оштрафуют. При всей велосипедной вольности нельзя ставить велосипед в неположенном месте, иначе полицейский повесит цепь на колесо или зацепит его за парапет.

Благодаря достаточно ровному рельефу японских городов велосипед - незаменимое средство передвижения для поездок в магазины и т.п. места. У большинства японских велосипедов есть корзинки, в которые можно что-нибудь положить. А японские мамы умудряются прикреплять к велосипедам сидения для детей, иногда даже по два. Если велосипед горный, то на нем смело можно отправляться в дальние путешествия...

В общем, велосипед в Японии — это верный двухколесный друг, товарищ и брат, который вынесет все и широкую ясную грудь проложит дорогу себе, тебе и мне. К японскому велосипеду абсолютно неприменимо наше, с детства знакомое, слово «велик».

Интересно, что японским студентам запрещено добираться до учебных заведений на собственных автомобилях, поэтому большинство пользуется велосипедами.

Не повезло тому двухколесному созданию, которое попало в руки приезжего студента. Скорая «смерть» где-нибудь на задворках университета такому велосипеду обеспечена. Влажный и соленый морской воздух съедает металл очень быстро, и через пару лет стоянка велосипедов превращается в свалку ржавчины.

Некоторые японцы (особенно молодежь) на удивление мало знают о своих «любимцах». Им известно только то, что на велосипеде можно ездить, используя педали и законы физики. Простая мысль о наличии у этого агрегата, скажем, регуляторов высоты сидения и руля многим просто не приходит в голову. Результат: непонятно, как вообще можно ездить в таких неестественных позах, когда колени закрывают уши (может, это они от городского шума таким образом спасаются?). Многие жители небольших городов не подозревают также о том, что вот эта вот «пимпочка» на руле есть ни что иное, как звонок, и им вполне можно пользоваться, чтобы предупреждать пешеходов о своем приближении. А, между прочим, лихой велосипедист, выруливший в полной «силенсии» из-за спины пешехода, пугает последнего очень и очень сильно... Иным любителям велотранспорта неизвестно даже, что подставки, выпускаемые из велосипедов на стоянках, при езде можно убирать. Так они и мчатся, шкрябая на поворотах этими подставками по асфальту...

Словом, японская дорога — это ощущение свободы и комфорта, а также неиссякаемый источник сведений о японском образе жизни. Выбирайте вид транспорта и - в путь. Легкой и чистой вам дороги, господа!

Ольга Хованчук

МЫ ЕДЕМ, ЕДЕМ, ЕДЕМ... (2005)

В честь наземного транспорта Японии хочется складывать оды. Хотя бы потому, что транспорт этот работает для человека и позволяет ему в любой момент времени уехать в любой уголок страны, было бы желание или необходимость.

Теперь обо всем по порядку.

Сеть железных дорог опутала всю страну. В ней сплелись государственные и частные пути, по которым бегают поезда скоростные и простые, местные и дальнего следования. Главное, что надо помнить, оказавшись впервые на платформе японского вокзала: поезда ходят строго по расписанию. Если в расписании написано «отправление в 12:32», значит, поезд уйдет именно в 12:32, ни раньше, ни позже ни на минуту. Российские поезда прибывают и отправляются всегда приблизительно в какое-то время, что приучило нас бежать на первый попавшийся поезд, стоящий примерно в это время на платформе.

Такая привычка, бывает, играет злую шутку в Японии, когда человек, впрыгнув вроде бы в поезд на 12:32, через 5 минут обнаруживает, это экспресс на 12:31, и идет он совсем в другую сторону, да еще и первая остановка только через 20 минут.

Эта пунктуальность японских железнодорожников может быть нарушена только стихийным бедствием, аварией или проникновением на пути посторонних лиц.

Всемирно известные скоростные поезда «синкансэны» в свое время были розовой мечтой японского железнодорожного транспорта. Наверное, именно поэтому составы синкансэна называли романтическими названиями «НОДЗОМИ» - «НАДЕЖДА», «ХИКАРИ» - «БЛЕСК», «ЦУБАМЭ» - «ЛАСТОЧКА», «ХАКУТЁ» - «ЛЕБЕДЬ» и т.п., в зависимости от скорости движения. Планировалось соединить скоростными линиями все основные города Японии, но прокладка новых путей оказалась слишком дорогостоящей и медленно окупалась, и поэтому, закончив основные магистрали, строительство остановили. Социологические опросы показывают, что если время в пути на синкансэне составляет больше 3 часов, то японцы предпочитают пользоваться самолетом - тем более что цены на билеты в этом случае будут примерно одинаковыми. Тем не менее, синкансэн является очень удобным видом транспорта. Вагоны иногда бывают двухэтажные, но все места во всех скоростных поездах сидячие. По вагонам ходят девушки с передвижными киосками, где можно купить что-нибудь съестное.

В каждом районе страны есть несколько железнодорожных компаний, которые обслуживают разные направления. Так, например, из Киото до Осака можно добраться не только на бывшей государственной электричке, но и на экспрессах компаний Ханкю и Кинтэцу. Тут уж каждый выбирает, как ему удобно. Все зависит от особенностей маршрута, от стыковки пересадок, цены на билет.

А вообще-то в Японии водятся четыре разновидности поездов: местный, скорый, очень скорый и очень-очень скорый. Местный идет со всеми остановками, скорый не останавливается на самых маленьких станциях, очень скорый останавливается примерно на половине станций по пути следования, а очень-очень скорый останавливается только на больших и узловых станциях. Стыковки пересадок местных поездов и экспрессов всегда четко рассчитаны, и даже если один поезд, не дай бог опаздывает, пересадочный его дожидается.

Одно из самых замечательных явлений железной дороги в Японии — это контролеры. Контролер проходит по поезду обычно один раз. Входя в вагон, он снимает фуражку, кланяется, просит извинить его за то, что тревожит многоуважаемых пассажиров и как бы между прочим спрашивает билеты. У контролера можно оплатить проезд, если вы вдруг вскочили в вагон без билета, или доплатить, если вдруг решили уехать куда-нибудь подальше. После выполнения своей благородной миссии он вновь кланяется, извиняется за причиненные неудобства и благодарит за понимание...

Еще один уникальный феномен японский поездов — это задушевный голос из репродуктора, который постоянно что-нибудь говорит.

Сообщения бывают разные, начиная с благодарности за пользование поездами именно этой железнодорожной компании и заканчивая напоминаниями быть предельно внимательными и по возможности не забывать при выходе из вагона личных вещей. Многие японцы говорят, что эти объявления их успокаивают и дают гарантию того, что все идет без сбоев.

Если же в вагоне наступает тишина, то японцы чувствуют беспокойство. Так что эти объявления для японцев звучат как колыбельная (кстати, большинство людей в вагонах действительно спит). Можно, конечно, попробовать перевести эти сообщения на русский язык и внедрить на нашей железной дороге, но, по-моему, не стоит, а то наши поезда окончательно превратятся в дурдом...

Естественно, волшебный голос из репродуктора не забывает объявлять остановки, причем по несколько раз: на подходе к станции, в непосредственной близости от станции, по прибытию на станцию, когда поезд останавливается, когда открываются двери и т.п. Но, несмотря на всю эту вакханалию заботы, очень часто находятся пассажиры, которые умудряются переспрашивать название станции или вообще проезжают свою остановку.

На платформах тоже постоянно что-то сообщают: о приближении очередного поезда, о транзитном перегоне и др. Объявление «Осторожно, двери закрываются!» звучит не в вагоне, как у нас, а на платформе, чтобы предупредить спешащих на поезд, что они уже могут сбавить шаг. В японских поездах есть и еще одно замечательное объявление: «Никогда не торопитесь на поезд, если опаздываете!»

Если вы собрались на поезде в дальний путь, то лучше не экономить и взять билет на ночной поезд в спальный вагон, тогда и путешествие не покажется таким утомительным, и время будет потрачено оптимально: ночью - дорога, днем - свобода! В спальнях вагонов ночных поездов в набор постельных принадлежностей всегда входит халат с логотипом фирмы-перевозчика, а иногда еще и тапочки. В каждом поезде дальнего следования есть общественный телефон, то бишь телефон-автомат, и киоски с едой и напитками.

Метро - «палочка-выручалочка» мегаполисов: все по расписанию, без пробок, каждые пять минут и почти круглые сутки.

Токийское метро, например, останавливается только 3 часа в сутки с 2 до 5 утра для уборки станций и вагонов.

Конечно, большая проблема метро - переполненность поездов в часы пик. Ну, да это с кем (и где) не бывает? Чтобы разгрузить линии и облегчить поездку пассажирам, в крупных городах, таких как Токио и Осака, пустили вагоны только со стоячими местами, а также вагоны только для женщин. В час пик на платформы выходят особые вокзальные служащие, которые запикивают людей в вагон и помогают закрыться дверям.

Кстати, несмотря на всю разветвленность (и все существующие на этот счет стереотипы), в токийском метро очень трудно заблудиться. Гораздо проще потеряться среди простых электричек. В метро все линии обозначены цветовыми знаками и буквенными указателями. Дополнительная услуга метротранспорта в Токио - вагоны на линиях окрашены в тот же цвет, что и линии на карте. Едете по «красной» линии - вас везут красные вагоны. Так что если вы не дальтоник, то определить нужное направление не так трудно. Если же все-таки трудности возникли, можно обратиться к карте линий метрополитена или, в крайнем случае, к служащему станции, которые всегда любезно вам помогут.

И еще одно наблюдение: несмотря на все проблемы, всякая поездка по японской железной дороге почему-то всегда очень романтична - вне зависимости от того, каким видом железнодорожного транспорта вы пользуетесь...

Ольга Хованчук

ОДЕЖДА В МИРОВОЗЗРЕНИИ ЯПОНЦЕВ (2005)

Тезисы лекции, прочитанной автором 19 марта 2005 г. в Японском центре г. Владивостока.

Слушатели лекции О.А. Хованчук в традиционных кимоно

Начиная с середины XIX в. после долгого периода изоляции Япония была вовлечена в систему международных отношений, и почти сразу европейский костюм проник во все слои общества. Но, несмотря на это, традиционная одежда и комплекс верований, связанный с ней, не потеряли значимости по сей день и продолжают выполнять свои социальные функции.

Ритм современной жизни не позволяет человеку тратить слишком много времени на выбор и надевание костюма, поэтому традиционная японская одежда ушла из повседневной сферы и стала использоваться в особых случаях, но при этом сохранилась в полной мере. В послевоенный период появились 8 позиций, исходя из которых, японцы стали постепенно отказываться от повседневного использования национального костюма, и их коротко называли «8 нет».

Большинство японцев сетуют на то, что кимоно очень трудно надеть в одиночку; кроме того, это довольно долгий процесс, занимающий около получаса. Общество с сильными коллективистскими традициями создало такой костюм, который практически невозможно надеть самостоятельно. В Европе, правда, тоже существовал подобный опыт. Участники Великой французской буржуазной революции использовали застежку сзади на верхней одежде, чтобы повысить сплоченность своих рядов, т.к. всем приходилось обращаться за помощью, чтобы застегнуть такую одежду. Застежка сзади стала символом революционеров.

Следующая позиция состоит в том, что кимоно нельзя самостоятельно сшить, т.к. часто не знают, как это делать, и справиться с большим отрезом ткани вдвоем всегда проще. Чтобы подобрать весь ансамбль национального костюма, требуется совет, и лучше, если это - совет специалиста. Так или иначе, выбор подходящего кимоно, которое будет идти человеку, соответствовать случаю и сезону, превращается в проблему. Кроме того, полный комплект стоит очень дорого, и не каждый может себе его позволить купить сразу или по частям. Но даже у счастливого обладателя хорошего кимоно, оно может стать бесполезным, если в нем некуда сходить...

В связи с тем, что кимоно надевают очень редко, японцы говорят, что больше не осознают его истинную ценность и не чувствуют радости от носки, т.к. по сравнению с европейской одеждой оно довольно неудобное.

Наконец, последней причиной отказа от национального костюма стало то, что его некому передать. Молодое поколение полностью приняло современную западную моду и не хочет лишать себя комфорта, который дает, например, спортивный стиль одежды...

В Японии с ними также связаны многочисленные обряды, для которых, несмотря ни на что, используют исключительно традиционную одежду. Костюм, подобранный по всем правилам, в этих случаях является залогом будущего благополучия, а через комплекс использованных в нем символов осуществляется связь с предками и богами.

В Японии написано большое количество работ по истории японского костюма, в которых подробно описывается развитие и изменение одежды в различные эпохи, ее особенности. Однако мало где затронуты проблемы значения и роли национального костюма в системе культурных ценностей японского общества. Кроме того, в исследованиях редко анализируются факторы духовной культуры, повлиявшие на создание именно такого ансамбля национальной одежды.

Яманака Норио в книге «Костюм и духовная культура Японии» излагает свою теорию уникальной японской национальной одежды и ее миссии в будущем мира. Эта теория, названная СО:ДО: - «Путь костюма» (ср. тядо: - искусство чайной церемонии, кэндо: - искусство фехтования на бамбуковых мечах), заключается в том, что кимоно выступает одним из средств достижения гармонии в мире.

Всю историю японского костюма он рассматривает с точки зрения этой теории и с ее помощью доказывает свои идеи.

Основой философии японского костюма служат три понятия - любовь, красота и этикет (яп. - рэй). Иероглиф рэй имеет старое чтение ия, которое является возгласом восхищения и благоговения перед силами, давшими жизнь всему мирозданию. Это чувство благодарности и уважения к природе и всему сущему содержит в своей основе принцип этикета (рэй).

Однажды потеряв чувство благодарности, а вместе с ним и принцип этикета, человек лишается возможности ощутить счастье. Человек, благодарный за то, что он существует, и за то, что имеет, излучает радость и душевную теплоту, которую чувствуют окружающие и тоже исполняются подобных чувств. Это приводит к всеобщему единению и гармонии. Сейчас люди имеют доступ ко многим благам и легко получают все благодаря техническому прогрессу, забывая при этом быть благодарными за все это. Потеря чувства благодарности является одной из причин неудовлетворенности жизнью, что в свою очередь ведет к духовному упадку личности.

Японцы, создавая свою культуру, не боролись с природой, как это было на Западе, а приспосабливались к ней. В этих условиях и сформировался японский костюм, заключавший в себе эталон жизни в мире и гармонии с природой (1). Именно поэтому такие исследователи цивилизации, как Арнольд Тойнби и Мартин Хайдеггер, считая, что западная цивилизация приходит к упадку, предложили обратиться к культурному наследию Востока, и, в частности, Японии, где всегда большое внимание уделялось духовности.

Японский национальный костюм сохраняет и передает мудрость предков и является средством воспитания молодежи. Неизменная форма кимоно, сохранившаяся до наших дней, несет в себе философское содержание, которое естественным образом повышает духовный уровень человека. Название кимоно произошло от слов «надеваемая вещь», и под ним японцы понимают одежду в целом. Основной концепцией японского костюма является его непротиворечивость по отношению ко всем культурам, которую Яманака передает выражением open-minded attitude (2). Европейский костюм из-за сложного покроя подходит ограниченному кругу людей, а японское кимоно, имея единообразный крой и только два размера, подходит любому. Благодаря этому одежду всегда передавали по наследству, и она превратилась из просто вещи в костюм, хранящий в себе частичку души и любви тех, кто его надевал в прошлом. Получая этот бережно сохраненный костюм от родителей, человек в свою очередь также хранит его и считает для себя честью носить подобную вещь. Кроме того, кимоно никогда не становится старомодным, в отличие от европейской одежды, и остается символом женственности, прошедшим через века.

Кимоно имеет стандартный крой по прямым линиям, который не соответствует очертаниям фигуры человека. Эта особенность позволяет легко хранить одежду, переделывать ее в другие вещи, подделывать под определенного человека. Европейская одежда, изготовленная на заказ, будет хорошо сидеть на человеке, независимо от его или ее вкуса. В то же время посадка японского кимоно будет полностью зависеть от мастерства и хорошего вкуса того, кто его надевает. Поэтому сам процесс надевания кимоно становится творческим актом, что превращает каждого человека в художника, создающего индивидуальный образ. Этот образ будет зависеть только от замысла самого человека, при этом одна и та же одежда может одного украшать, а другого нет, потому что японский национальный костюм подчеркивает не так внешность человека, как его характер.

Кимоно плотно оборачивает тело с ног до головы, что воспитывает в человеке смирение и покорность. Длинная юбка без разреза, широкие рукава и пояс, подобный корсету, полностью меняют все движения человека. Они становятся неторопливыми и мягкими, что создает ощущение спокойствия и уверенности в себе. Национальный костюм подчеркивает мужественность и достоинство мужчины, женственность и хрупкость женщины.

Существуют строгие правила поведения, согласно которым считается неприличным, если человек одетый в национальный костюм по неосторожности показывает ноги или другие части тела, скрытые одеждой. Такие правила уравнивают женщин всех возрастов друг перед другом и перед окружающими, т.к. никто не видит внешней привлекательности молодого тела или потускневшей красоты человека в возрасте, отчего не возникает ни зависти, ни разочарования.

В любом возрасте кимоно позволяет проявиться внутренней красоте и утонченности его обладательницы, и часто именно в зрелом возрасте человек приобретает ту красоту, которой не бывает в молодости. В 20 лет это великолепие, в тридцать - скромность, в сорок - изящество. Кимоно подчеркивает зрелость пятидесятилетнего человека, внутреннее спокойствие шестидесятилетнего, в семьдесят лет - строгую красоту, а в восемьдесят - философичный покой души. Это позволяет человеку идти через годы, только совершенствуя свой дух и приобретая мудрость, без ощущения, что он что-то теряет.

Кимоно складывается только определенным образом, и если оно сложено правильно, то получается прямоугольник. Когда человек правильно складывает то, что было надето должным образом, считают японцы, то в нем естественно воспитывается аккуратность и эстетизм в отношении повседневных дел. Это чувство постепенно проникает в самую человеческую сущность, и человек вообще начинает стремиться к правильности действий и мыслей, следованию ритуалу и обычаям общества, к повышению своего духовного и нравственного уровня.

Пояс, которым подвязывают кимоно, с древних времен считался амулетом - охранителем души, а узел на поясе - символом верной любви. В древности члены одного рода завязывали свои пояса одинаковыми узлами, которые стали прототипами фамильных гербов.

При завязывании банта, единственного украшения женского костюма, в эту процедуру вкладывают всю душу и любовь. В поэтической антологии «Манъёсю» содержится большое количество стихов, в которых так или иначе упоминается пояс и связанные с ним обычаи, что наглядно показывает глубокий смысл, вкладываемый японцами в эту часть костюма.

Само слово «свадьба» на японском языке звучит как «связанные вместе», а китайский иероглиф «завязывать» имеет также значение «давать жизнь человеческой душе».

Большинство орнаментов для кимоно были взяты из традиционных сюжетов четырех времен года, которые были широко распространены в живописи. Поэтому красота одежды неразрывно связывалась с красотой природы.

Таким образом, национальный костюм играет важную роль в жизни японского общества, в особенности в качестве средства воспитания молодого поколения. С течением времени в восприятии одежды японцами появлялись новые аспекты, отчего она приобретала все новые функции. В середине XX в. появилась философия костюма, четко сформулированная в теории Яманака Норио. По этой теории кимоно действительно представляется как одежда, способная внести гармонию в душу человека и в его отношения с окружающими. Может быть, именно поэтому молодежь не отказывается полностью от национального костюма и с удовольствием надевает его в праздники?

Ольга Хованчук

Примечания

1. Яманака Норио. Кимоно то нихон сэйсин бунка (Кимоно и духовная культура Японии). Токио, 1980, с.109.
2. Яманака Норио. Кимоно то нихон сэйсин бунка (Кимоно и духовная культура Японии). Токио, 1980, с.94.

ЭПОХА МЭЙДЗИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИСТОРИИ ЯПОНСКОГО КОСТЮМА (2006)

Эпоха Мэйдзи (1868–1912) стала одним из самых значимых периодов в истории Страны восходящего солнца. После двух столетий политики изоляции японцы были вынуждены приспособливаться к новым условиям жизни в открытом для мира обществе. Страна пыталась влиться в мировое сообщество, перенимая культурные и технические новшества Европы. Вестернизация постепенно охватила все сферы жизни народа. В начальный период в основном осуществлялось копирование внешних атрибутов западной культуры, поэтому костюм как повседневная часть быта не мог не испытывать влияние этих тенденций. Контакты с иностранцами, которые начались еще в XVI в., хоть и вносили изменения в культуру костюма, однако именно в эпоху Мэйдзи японцы осознали национальную самобытность своей одежды, в результате чего появился сам термин вафуку – «японская одежда». К концу XIX в. в общих чертах сформировался ансамбль кимоно, который известен всему миру как японский традиционный костюм.

Среди мужчин европейский костюм для повседневной службы приобрел популярность благодаря практичности. Одной из причин распространения западного платья среди женщин стало то, что его было гораздо проще надевать, чем традиционную многослойную одежду, но больше ими руководило стремление выглядеть модно. Европейская одежда повлияла на способы использования традиционных форм костюма. Пара «кимоно+юбка-хакама» соотносилась с европейской парой «блуза+юбка» и широко распространилась среди студенток и работающих женщин. Накидка-хаори, которая в прежние времена была частью гардероба знатных людей, теперь стала повседневной одеждой всех сословий и выполняла те же функции, что и европейский пиджак или плащ. Однако в результате этих изменений и вместе с тем, как европейский костюм распространялся среди японцев, кимоно отходило на второй план.

Весь период Мэйдзи можно условно разделить на три этапа трансформации японского костюма. В первые десятилетия Мэйдзи (1868-1883) правительством была объявлена политика «цивилизованности и просвещения» (буммэй кайка). В этот период все атрибуты западной цивилизации, в том числе и одежда, стали символом приобщенности к передовой цивилизации и образованности. Предметы японского и западного гардероба смешивались, рождая порой причудливые сочетания.

Время с 1883 г. до начала 90-х гг. было затишьем перед второй волной вестернизации японского общества. Кимоно в числе других пережитков «старой» культуры отбросили за ненужностью. Историки часто называют этот период Рокумэйкан по названию дворца для императорских приемов, который был построен в 1883 г. Императрица Сёкэн призвала всех женщин перейти на более современный ансамбль одежды – блузку и юбку – вместо кимоно и юбки-хакама. [1]

Однако после более тщательного знакомства японских политиков и просветителей с американской и европейской культурой с начала 90-х гг. XIX в. в обществе появились тенденции к возвращению и сохранению некоторых японских традиций как основных элементов самоидентификации и гордости.

Мужчины, особенно представители высших сословий, первыми испытали результаты политики вестернизации. В 1870 г. Японию посетил герцог Эдинбургский, которого императорский двор встретил одетым во фраки и накрахмаленные сорочки. По указу императора Мэйдзи с 1872 г. все чиновники должны были носить европейский костюм. Император мотивировал отказ от старого платья тем, что придворный костюм эпохи Эдо был не исконно японским, а заимствованным из Поднебесной. Китай пребывал в упадке, поэтому использование такого костюма автоматически могло поставить Японию на ступень развития Китая. Император призывал не копировать бездумно все, что попадет на глаза, а использовать европейский костюм как источник информации, перенять и совершенствовать его, чтобы он стал символом силы нации. Этим же указом упразднились придворные ведомства, которые с XV в. следили за гардеробом императора.

Всю церемониальную и повседневную одежду император заказывал за границей у европейских портных. Естественно, что не все чиновники могли позволить себе шить одежду во Франции или Англии, поэтому стали появляться мастерские по пошиву костюмов по западному образцу для чиновничьего аппарата.[2]

Модернизация Мэйдзи началась с реформирования армии по европейскому образцу. В ходе преобразований была заимствована и европейская военная форма. Это сразу же сказалось на текстильной промышленности Киото и Японии в целом. Форму шили из сукна, но в Японии шерстяные ткани делать пока не умели.

Киотосский квартал ткачей «Нисидзин», главный производитель шелковых тканей в Японии, сразу после открытия страны потерял большую часть клиентов и испытывал не лучшие времена. В ходе политики поддержки и развития отрасли в 1869 г. правительство выделило ткачам «Нисидзина» ссуду, чтобы лучшие мастера могли поехать во Францию на стажировку для изучения европейских тканей и технологии их производства.

Необходимость обеспечить армию новой формой требовала промышленного выпуска тканей, поэтому в 1876 г. на государственные деньги в Европу была отправлена еще одна миссия для изучения оборудования [3]. Кроме этого, правительство приглашало западных инженеров, которые налаживали ткацкие станки и обучали японцев работать на них.

Наряду с крупными цехами «Нисидзина», которые переориентировались на промышленный выпуск тканей, продолжали работать и домашние мастерские, где сохранялись традиции ткачества парчи и узорчатых шелков по старинным образцам.

Спрос на костюм нового стиля повлиял на развитие экономики в целом. С началом фабричного производства шерстяные ткани широко распространились среди населения. Из них шили одежду как европейского, так и японского покроя, что стало дальнейшим стимулом развития текстильной промышленности, план преобразования которой японцы переняли у Англии периода технической революции.

В эпоху Мэйдзи Япония была прилежным учеником европейской цивилизации: у Германии была заимствована система образования, у Франции – устройство армии, у Америки – почтовая система. В 1870 г. военно-морские силы Японии оделись в форму английского образца, а сухопутные войска – в форму французского легиона. В 1871 г. европейский костюм стал форменной одеждой почтовой службы и полиции. [4]

В середине XIX в. центральное правительство только определяло для себя, как же вести дела с Западом и какой политики придерживаться. Известный японский просветитель Фукудзава Юкити (1835–1901) посетил страны Европы и Америку в составе первой миссии, отправленной за границу в 1860 г. Все члены делегации были одеты в церемониальную японскую одежду – кимоно, штаны-хакама и накидку-хаори, как и полагалось по этикету. Однако большинство европейцев считали японцев чужаками из-за их внешнего вида. По возвращении Фукудзава Юкити написал книгу «Одежда, пища и жилище на Западе», чтобы познакомить широкие массы японцев с европейскими обычаями и традициями.

В книге были подробно описаны все виды европейской одежды, приведены их названия и изображения. По существу, эти заметки стали первым руководством для японских портных, когда им поступили заказы на изготовление нового платья. Пошив японской одежды не требовал особых знаний и умений, поэтому специальных мастерских не было, равно как и профессиональных портных.

На рынке продавали стандартные отрезки ткани, рассчитанные на одно кимоно, из которых в домашних условиях изготавливали необходимые вещи. Для стирки кимоно всегда распарывали, а затем сшивали вновь, т.е. навыки шитья имели все женщины. Когда появилась необходимость шить одежду совершенного нового типа, в Японии не было специалистов, которые могли бы просто переквалифицироваться с пошива японской на пошив европейской одежды.

Из-за дороговизны шерстяных тканей и трудностей в поисках портного полный ансамбль европейского костюма получался чрезвычайно дорогим для большинства населения. Именно поэтому многие пытались приобщиться к передовой культуре, используя лишь отдельные детали европейской одежды. Часто мужчины дополняли традиционную одежду шляпой, кожаными ботинками или зонтом. Идеи просвещения коснулись и причесок. Короткая мужская стрижка считалась прогрессивной и более подходящей цивилизованному человеку.

Восстание в Сацума 1877 г. стало последней попыткой протеста против новых порядков и насаждаемой европейской культуры. Все участники мятежа были одеты в традиционную одежду и доспехи. Несмотря на то, что восстание жестоко подавили, Сайго Такамори стал для японцев национальным героем, до конца верным национальным традициям. После мятежа Токио захлестнула мода на одежду, которая ассоциировалась с Сайго Такамори. Особенно популярным был орнамент сацума-касури и оливково-коричневый цвет (угуису-тя), который получил название «цвет Сайго».

Мало кто из женщин осмелился перейти на европейское платье в первые годы Мэйдзи. Многие из них видели в западных предметах одежды лишь средство, которое могло дополнить их традиционное кимоно. В этот период японки стали использовать европейские полотенца в качестве шарфов, однако когда они узнали об их истинном предназначении, мода исчезла, оставив только чувство смущения и неловкости в сердцах модниц. С 1880 г. в моду вошли шерстяные шали, причем их носили как женщины, так и мужчины в дополнение к одежде всех стилей.

Европейские кринолины не получили в Японии широкого распространения, только куртизанки и гейши иногда надевали платья с кринолинами для привлечения иностранцев. Общество отзывалось негативно к тому, что гейши рука об руку с клиентами появлялись на улицах города. Однако европейцы, наоборот, обращались с ними с присущей джентльменам галантностью.

В 1874 г. правительство издало указ, касавшийся женской одежды. В качестве рабочей и ученической формы женщинам предписывалось носить кимоно и мужские штаны-хакама. [5] Девушки и женщины среднего класса активно поддерживали новый ансамбль костюма и сами создавали новые виды одежды. Так, благодаря горожанкам в обиход вошла верхняя одежда амагото, нечто среднее между японской накидкой хаори и европейским пальто.

На волне реформаторства некоторые отчаянные даже осмеливались остричь волосы, но таких были считанные единицы. Большинство представительниц прекрасного пола продолжали носить длинные волосы, которые они укладывали в прически, как у девушек из знаменитой труппы Даны Гибсон. Для создания такой прически не нужны были многочисленные шиньоны, шпильки, гребни и масло, поэтому она считалась более «цивилизованной и просвещенной». Волосы аккуратно зачесывали наверх, где укладывали в простой узел-шишку. Затылок получался полностью открытым, поэтому кимоно стали надевать так, чтобы воротник плотно прилегал к шее.

В это же время исчезает традиция чернить зубы. В эпоху Эдо все взрослые женщины чернили зубы и сбривали брови, что было показателем их социального статуса. В 1874 г. императрица Сёкэн впервые вышла в свет с нечерненными зубами, и вслед за ней так сделали и другие женщины. Отмена этих традиций позволила японкам вновь почувствовать себя молодыми. В их сознании появилось чувство освобождения от феодальных порядков. [6]

Несмотря на усилия, которые прилагала Япония в ходе политики модернизации для улучшения положения в стране, государство все же находилось в неравном положении с другими иностранными державами. Европейцы продолжали пользоваться правом экстерриториальности, кроме того, только они могли устанавливать пошлины на ввозимые товары. Эти два факта очень беспокоили правительство Мэйдзи, которое считало, что данные права были предоставлены державам только потому, что Япония во время заключения неравноправных договоров являлась отсталой, нецивилизованной страной. Однако государственные деятели были уверены, что если японцы покажут всему миру свою цивилизованность, то европейцы сами отменят эти привилегии и примут Японию в европейское общество в качестве равноправного члена. Именно для этих целей в 1883 г. был построен Рокумэйкан – дворец для приемов, где исполняли европейскую музыку и обедали за столами по западной традиции.

Самыми настойчивыми проводниками новых идей были политики Иноуэ Каору и Ито Хиробуми, заставлявшие своих родственников учить английский язык, носить европейское платье, есть мясо и заниматься танцами, чтобы на международных приемах в Рокумэйкане они могли достойно выглядеть на фоне английских и французских дам. Жены и дочери политиков, как истинные японские женщины, беспрекословно подчинялись, несмотря на неизвестные и пугающие перспективы этого обучения. Поэтому даже самые радикальные последователи новой политики шли на большие уступки в отношении женщин, чтобы только те не отказались выполнять их указания.

С начала 80-х гг. XIX в. дамы высших сословий стали носить корсет, который подчеркивал формы тела. Они чувствовали себя очень неловко в декольтированных платьях, не зная, как себя в них вести. Императрица Сёкэн предпочитала закрытые платья, а для всех французских нарядов ей изготовили кружевные съёмные воротники и рукава.

На приемах все дамы носили такие же закрытые платья, отчего пошли слухи, что большинство из них куртизанки и гейши, которые так скрывают шрамы на шее от белил [7].

С другой стороны, зачастую так и происходило, потому что жены и дочери высокопоставленных сановников стыдились общаться с мужчинами и развлекать их, как это было принято на Западе, и отказывались от посещения приемов. Гейши, наоборот, умели это делать очень хорошо, поэтому государство приглашало их для создания необходимой атмосферы.

На первых приемах в Рокумэйкане светские дамы появлялись в традиционной придворной одежде (кимоно, хакама, китайская накидка), и даже через три года современники замечали, что среди дам только половина были в европейских платьях. В 1886 г., после того как императрица сама надела западный наряд, все придворные дамы последовали ее примеру, в результате чего мода на новый стиль женской одежды распространилась очень быстро. В январе 1887 г. было опубликовано «Ее высочайшее мнение» о реформировании женской одежды. Императрица мотивировала переход к использованию западного платья тем, что в нем не было ничего противоречившего японским традициям. Европейское платье тоже состоит из верхней и нижней части (ср. кимоно и хакама), к тому же оно дает большую свободу движений. Также она призывала использовать ткани японского производства, чтобы поддержать местную промышленность. [8]

В результате достигались две цели: цивилизованный внешний вид и развитие национальной экономики. Несмотря на то, что в указах первых годов Мэйдзи император называл традиционный аристократический костюм пережитком прошлого, императрица восстановила культурную значимость национального ансамбля одежды – кимоно-оби, объявив его трансформированной формой исконно японской одежды.

На рубеже 80-90-х гг. XIX в. большинство женщин высших сословий надели европейские платья. Форма западного образца была установлена для учениц и учителей. Открывались магазины одежды, портновские мастерские, создавались женские клубы для обучения и воспитания необходимых качеств в женщинах нового общества. В изменившихся условиях гейши остались основными законодательницами мод. Киотские гейши, которые тщательно соблюдали древние традиции, тоже надевали европейские платья, хотя и не так часто, как это было в Токио.

Через 20 лет после начала реформ даже в деревне все ходили с остриженными волосами и в узких брюках. В 80-е гг. XIX в. японцы научились носить западный костюм так, как это делали европейцы, постепенно исчезало причудливое смешение японского и европейского стилей. Кимоно стало одеждой для дома и отдыха. Мужчины вели своеобразную двойную жизнь: на работе подчинялись законам западной цивилизации, дома возвращались к традициям. Большинство японцев продолжали проживать в традиционных домах с татами, а кимоно для такого дома все-таки было практичнее. Японская одежда изначально была приспособлена к жизни на полу, а европейский костюм к использованию стульев.

В начале 90-х гг. XIX в. правительство осознало перегибы политики всеобщей вестернизации. Государственные идеи о внедрении западной одежды постепенно соотносились с реальностью, в связи с чем изменились взгляды мужчин и женщин относительно того, что они носят. Среди мужчин в качестве основной одежды окончательно закрепился стандартный европейский костюм, а женщины вновь обратились к национальному платью. В ходе активных попыток научить японок носить корсет возникло мнение, что он вреден для здоровья, поэтому женщины отказались от корсета очень легко и вернулись к кимоно.

Тенденция «возврата к старине» была отмечена в конце 90-х гг. среди широких масс горожанок, однако светские дамы продолжали носить платья по последней западной моде S-образного силуэта с объемными рукавами. Европейцы откровенно замечали, что эти платья не идут японкам, выявляя их непропорциональную фигуру. Кроме того, мода в Европе менялась чрезвычайно быстро, и японские дамы не успевали за ней, из-за чего всегда выглядели старомодно. [9]

Принятие первой японской конституции усилило в людях чувство национальной гордости и единства, что отчасти ускорило возвращение к своей одежде. Правительство пыталось сплотить граждан для осуществления новой государственной политики. Для этого политические деятели по-новому трактовали традиционную культуру, придавали ей особую значимость, видя в ней средство объединения японцев. Чиновники агитировали за обращение к национальным истокам, но сами при этом продолжали носить накрахмаленные сорочки. Словосочетание «high collar» (высокий воротничок) иногда использовали сатирики, чтобы высмеять японцев, которые выезжали за границу на учебу, но научились там лишь правильно носить европейскую одежду. Женщины же полностью перешли на традиционный костюм и стали хранителями японской культуры.

Чувство национальной гордости еще более возросло после победы в японо-китайской войне 1894–1895 гг. Кимоно стало символом силы нации. В узорах все чаще появлялось изображение сакуры, которая олицетворяла стойкость самурайского духа. Хризантема – герб императорского дома – стала символом патриотизма.

Ученицы старших классов указом правительства вновь были переодеты в кимоно, такая форменная одежда сохранялась до 1920 г. Мальчики ходили в школу в форме европейского стиля, а домашней и повседневной одеждой было кимоно с хакама. На рубеже веков эту повседневную одежду чаще шили из хлопковых тканей с характерным узором в горошек. Накидки-хаори, для зимы, были тоже в горошек или черные с пятью фамильными гербами.

Среди студентов появлялись свои модные тенденции. В 1899–1900 гг. молодежь носила длинные завязки из белого хлопкового шнура для накидок-хаори. Мода быстро прошла, и уже в 1902 г. о них никто не вспоминал, но современники писали, что завязки были настолько длинными, что их иногда завязывали на шее. После японо-китайской войны в моду вошли удлиненные хаори, которые называли «школьными». [10]

В последующие годы студенты носили японскую одежду, чаще всего штаны-хакама. В каждом университете была своя форма европейского типа – китель с металлическими пуговицами, под который надевали рубашку. Таких комплектов полагалось два – летний и зимний, однако не все могли позволить себе ее купить, поэтому в форме ходили редко. На церемонию выпуска в Токийском университете нужно было приходить в парадной форме. Однако даже там не все могли позволить себе летний комплект и надевали зимний китель. В 1907 г. на церемонию выпуска запретили приходить в хакама и кимоно. Студенты университета Кэйо носили модную дорогую одежду – хаори из шелкового крепа и бамбуковые дзори. Студенты Васэда – потертые костюмы в горошек или старые хлопковые хаори с гербами.

Наиболее распространенной обувью среди студентов стали деревянные сандалии – итадзори, у которых подошву делали из деревянных планок толщиной примерно 1,5-2 см. Так как для дождя и снега не годились, в ходу были также сапоги и деревянные сандалии – такасида – на высоких подставках с кожаными ремешками. [11]

В начале XX в. в высших учебных заведениях ввели форменные головные уборы, как в американских университетах. Круглый околыш, над ним квадратный верх с кисточкой на одном конце. Шапочки украшали вышитыми золотом эмблемами университетов. В сочетании с японской одеждой такие головные уборы выглядели странно. Студенты-модники носили фетровые шляпы, но большинство предпочитали круглые студенческие фуражки. В 1904 г. отменили все головные уборы, кроме форменных квадратных фуражек – гибридов между обычной фуражкой и квадратной шапочкой бакалавра. Головные уборы такой формы впервые появились в Императорском университете, где их носили еще с конца 19 в.

В конце эпохи Мэйдзи четко прослеживаются две тенденции, наметившиеся ранее: европейский костюм для работы – японский для отдыха, и европейский костюм для мужчин – японский для женщин. Женщины носили кимоно в соответствии с той схемой, которая установилась в первые годы Мэйдзи: для определенных случаев надевали особый ансамбль кимоно. Четко определялось качество тканей и орнаменты для каждого случая. Женщины средних сословий в течение последних лет XIX в. унифицировали ансамбль кимоно-оби, и он в целом приобрел стандартную форму, однако пока кимоно не превратилось в тот застывший ансамбль, которым оно является сейчас.

В последующие годы большую роль в развитии национального костюма сыграли горожанки, которые использовали сохраненные традиции и весь опыт, приобретенный за время знакомства с европейской одеждой. Постепенно менялись способы надевания кимоно, изменялся его вид. В период Эдо (1603–1868) все замужние женщины завязывали пояс бантом спереди как обозначение своего статуса, но к концу XIX в. все японки независимо от социального положения завязывали пояс сзади. Только куртизанки и пожилые матроны продолжали следовать старой традиции.

Самое значительное отличие костюма начала XX в. от современного состояло в том, что он был более многослойным. Обычно надевали несколько слоев контрастных нижних кимоно, к которым подшивали дополнительные узорчатые воротники. Повседневную и церемониальную одежду продавали сразу комплектами из двух–трех, а то и более слоев. Верхнее кимоно и одно–три нижних, сочетавшихся по цвету, – именно такой комплект и называли кимоно.

В течение нескольких веков женщины высоких сословий практически не выходили из дома, и одежда со шлейфом была для них привычной. В эпоху Мэйдзи продолжали носить шлейф, который, как считали, подчеркивал грациозность походки, поэтому он стал неотъемлемым эстетическим элементом женского костюма. Край подола подбивали ватой, чтобы со шлейфом было удобнее справляться. Ватные валики обрабатывали контрастной материей, они были еще одним напоминанием о средневековой аристократической моде на многослойные одежды. Величина ватной подбивки зависела от возраста женщины и случая, для которого предназначалось кимоно. Юные девушки красовались в нескольких кимоно, каждое из которых – с подбивкой до 5 см. Многие женщины скрывали свой возраст, делая ватный валик чуть больше, чем им было положено по возрасту, но не настолько, чтоб их уличили в этом. К концу XIX в. значимость шлейфа и подбивки подола кимоно в определении статуса женщины постепенно сошла на нет, и такую одежду надевали в основном только на свадебную церемонию.

Оставался вопрос: что же делать с лишней длиной кимоно? Ее стали собирать напуском на талии, в результате чего образовалась складка о-хасэри, которая не несла никакой функциональной нагрузки, но стала новым эстетическим элементом костюма. Одежда «сидела» на женщине более плотно, что давало большую свободу движений, кроме того, такой ход позволял надевать одно и то же кимоно людям разного роста.

До середины XIX в. существовало чрезвычайно много видов поясов-оби и способов их завязывания, однако к началу XX в. осталось несколько стандартных вариантов, при этом бант всегда располагался сзади. Самым распространенным и простым был бант в виде плоской подушки – тайко.

Цветовой колорит верхней одежды был не слишком броским: все оттенки синего, коричневого, серого цветов. Среди орнаментов преобладала полоска и клетка, которая создавала монотонное впечатление. Нижние же слои костюма были ярких цветов, и даже пожилые женщины носили ярко-красные или лиловые нижние кимоно с узорчатыми воротниками и подолом. В эпоху Эдо военное правительство периодически издавало указы о запрете роскоши и ярких цветов одежде, поэтому женщины надевали цветные кимоно под темные и умело скрывали от глаз правительственных чиновников свое богатство. Тогда же появился новый эстетический принцип: богато украшенная одежда выглядит гораздо привлекательнее, когда ее видно лишь мельком при ходьбе. Единственное, что всегда было видно из-под верхнего кимоно – это съемный воротник, который всегда украшали искусной вышивкой.

Социальный статус выражался не только в отдельных элементах костюма, но и в манере его надевания. Представительницы старых торговых кварталов Эдо, районов «ситамати» («нижнего города») надевали кимоно не так, как жительницы центра Токио в районах Яманотэ (верхнего города), на которых сильно влияли традиции самурайской знати. Как бы то ни было, модные тенденции последующих годов намечались именно в центральной, более консервативной части столицы. В первые годы Мэйдзи среди женщин купеческого сословия самым модным считалось желтое в клетку кимоно с атласным черным воротником, который подчеркивал белизну кожи. Однако дамы из районов Яманотэ считали черный воротник элементом костюма простолюдинов, будто они придумали его, чтобы скрыть следы грима и масла на основном воротнике кимоно. Представительницы молодой буржуазии предпочитали белые съёмные воротнички. Женщины-учителя надевали под кимоно белые блузки со стойкой, украшая ее брошью так, как это делали английские гувернантки. Белый воротник нижнего кимоно закрепился как элемент национального костюма, но появился он под влиянием западной культуры. [12]

Многие писатели и японские просветители, такие как Фтабатэй Симэй, Нацумэ Сосэки, Фукудзава Юкити, Исибаси Тандзан и многие другие, подробно рассказывали о моде и костюме современников в своих произведениях. В книге «Очерки о кимоно» японский драматург Хасэгава Сигурэ писал: «Мода центральных районов отнюдь не считалась изящной, однако девушки с окраин столицы не могли не следовать ей, потому что простой белый воротник стал символом новых знаний, к которым все так стремились. Поэтому они сменили свои цветные вышитые воротнички на белые...

Было еще украшение для волос, которое хотела иметь каждая жительница из «ситамати» - серебряная роза с секретом. Если нажать на небольшую кнопку на конце стебелька, то роза превращалась в бутон, а если потянуть за нее, то лепестки цветка вновь раскрывались. Всякий раз, когда видишь девушку в желтом кимоно, подпоясанном легким сиреневым поясом, когда ее воротничок чисто белого цвета, а волосы уложены в изящный узел на макушке, так хочется, чтобы ее голову украшала именно эта роза. Это был облик молодой женщины с окраины, которая, нарочито или нет, пыталась показать свое стремление к знаниям и желание вырваться из четырех стен отчего дома». [13]

Постепенно четкие внешние различия костюма разных сословий исчезали. Магазины одежды издавали журналы мод, на обложках которых появлялись известные гейши в самых модных нарядах. Любая женщина, независимо от социального положения, могла позволить себе свободно носить те вещи, которые предлагал рынок. Студентка могла надеть то же, что и знатная дама.

Отличия в костюме теперь зависели только от его назначения. Все виды одежды делились на две категории по уровню официальности: рякуги – домашняя одежда из простой ткани; и рэйсо – церемониальный костюм из расписного шелка с изображениями гербов. К концу периода Мэйдзи появляется ансамбль хомонги – платье для посещений, который получил широкое распространение благодаря универсальности. Такой ансамбль подходил для всех случаев, когда женщине надо было выйти из дома.

Очередным поводом расширения движения в поддержку национальной одежды была коронация нового императора в 1912 г., когда императрица Тэймэй вновь надела традиционное платье для церемонии коронации. Вслед за этим среди горожанок становится очень популярным новый ансамбль кимоно – сярэги – изящное платье, которое было ближе к парадному костюму. Так как у женщин появилось больше возможностей выйти из дома, где ее могли видеть окружающие в том кимоно, в котором был отражен ее собственный вкус, они использовали все средства, чтобы всегда выглядеть индивидуально. Одежда такого стиля была немного ярче и разнообразнее в орнаментах, чем хомонги.

Промышленность отвечала спросу. Многие виды окрашивания стали производить машинным способом с применением трафаретов. Появились анилиновые красители, которые помогали художникам выбирать более широкую цветовую гамму, чем раньше, кроме того, они не выгорали и хорошо переносили стирку.

Начиная с 80-х гг. XIX в. текстильная промышленность находилась на высоком уровне, как по качеству, так и по количеству производимой продукции. Новые ткани использовали для всех видов одежды, однако орнаменты и цвет оставались, как прежде, простыми и неброскими. «Нисидзин», в свою очередь, постепенно превращался в музей, который знакомил людей с древним ткацким искусством.

Единственный ткач Китагава Хэйхати продолжал традиции ткачества и был последователем мастера Таварая, который изобрел японскую технологию производства узорчатого шелка – кара-ори. Китагава приложил немало усилий для возрождения этой технологии, практически утерянной. Один из его станков был объявлен священным и на нем мастер ткал только парчу – ямато-нисики – для императорской семьи и храма Исэ. После того, как в «Нисидзине» установили жаккардовые станки, станок Китагава остался единственным экземпляром древнего типа, где была необходима помощь еще одного человека, который, сидя высоко на раме, поднимал нити для создания орнамента. Когда Китагава работал на этом станке, он считал, что отправляет священный обряд. Во время работы он ни с кем не разговаривал, постоянно совершал церемонию очищения и надевал только белоснежные одежды. Нити он окрашивал растительными красителями из собственного сада, приготовленными по старинным технологиям. Орнаменты Китагава тщательно копировал с древних образцов. [14]

Художники обычно не работали постоянно на текстильных фабриках. Они, как и ткачи, считали, что необходимо сопротивляться активным заимствованиям иностранной культуры для сохранения своей и постоянно организовывали выставки своих работ. В Киотской высшей технической школе давали строгие указания по всем направлениям обучения, по декорированию и ткачеству. Студенты и преподаватели тщательно собирали материал по декоративному искусству разных стран, но большее внимание, несомненно, отдавали японской традиции. Стиль *art nouveau* задержался в Японии гораздо дольше, чем в Европе. В XX в. художники вновь обратились к созданию новых орнаментов. Теперь в их распоряжении находились многочисленные каталоги с узорами Запада и Востока.

Государственная политика популяризации национальной культуры активно проводилась и после эпохи Мэйдзи. Наиболее видными деятелями движения были Номура Сёдзиро и профессор из Киото Эма Цутому. Он и его студенты выпускали книги и периодические издания, посвященные традиционной одежде, организовывали выставки. Часто проводили уроки рисования в древних храмах, где им позировали известные гейши в одеждах разных эпох.

Итогом эпохи Мэйдзи стало появление национального японского костюма. Японцы осознали, что кимоно является неповторимым феноменом культуры их страны. Однако именно в этот период западные традиции сыграли немаловажную роль в формировании нового менталитета японцев относительно их собственного костюма.

Под влиянием европейцев невесты стали надевать белоснежные кимоно на свадебную церемонию, хотя издавна предпочтительными считались яркие кимоно, отделанные золотом и серебром. В период траура японцы по европейской традиции надевали черные одежды, вместо белых, как это было принято ранее. Наибольшие изменения произошли в манере ношения кимоно, что и зафиксировалось в ансамбле национальной одежды: длина не стесняла движений; плотный запах лифа и белый воротник нижнего кимоно акцентировали внимание на лице; широкий пояс играл роль корсета и призван был придавать фигуре стройность. Эти новые эстетические критерии активно влияли и на последующее развитие костюма.

Ольга Хованчук

Примечания

- [1] Кагаякасики Мэйдзи-но би (Сверкающая красота Мэйдзи: Каталог выставки по случаю 80-летия храма Мэйдзи дзингу) / Сост. Окабэ Сёко. – Токио, 2000. – С. 92
- [2] Liza Dolby. Kimono: Fashioning Culture. – Berkshire, 2001. – P. 73
- [3] Helen Benton Minnich. Japanese Costume and The Makers of It's Elegant Tradition. – Tokyo, 1963. – P. 302
- [4] Liza Dolby. Kimono: Fashioning Culture. – P. 74
- [5] Нихонси со:го:дзуоку (Атлас по истории Японии). – Токио, 2000. – С. 153
- [6] Мотои Тикара. Нихон фуфуку бункаси (История японского костюма). – Токио, 1969. – С. 86
- [7] Гейши в качестве грима применяли свинцовые белила, отчего кожа желтела, и на стыке со здоровыми участками кожи образовывались рубцы.
- [8] Liza Dolby. Kimono: Fashioning Culture. – P. 80
- [9] Кагаякасики Мэйдзи-но би... – С.103
- [10] Исибаси Тандзан. Воспоминания премьер-министра Японии. – М., 2003. – С. 21
- [11] Там же. – С.32
- [12] Такеда Сатико. Ифуку де ёминаосу нихонси (История Японии, представленная через историю костюма). – Токио, 1998. – С. 204
- [13] Хасэгава Сигурэ. Дзуйхицу кимоно (Очерки о кимоно). –Токио, 1936. – С. 121
- [14] Helen Benton Minnich. Japanese Costume and The Makers of It's Elegant Tradition. – P. 322

ТРАДИЦИОННЫЕ ЯПОНСКИЕ ОРНАМЕНТЫ - ЗНАЧЕНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ (2009)

Материалы лекции, прочитанной 02.05.2009 в Японском центре г. Владивостока

Орнамент и узор сопровождают человека с самых древних времен. Изображения предметов быта и объектов окружающей природы были важной составляющей ритуалов и церемоний во всех существующих культурах. В древности декорирование одежды являлось важным способом закрепить определенные символы на своем теле, которые были либо оберегами, либо знаками отличия. И лишь впоследствии орнамент на одежде стал употребляться для украшения.

В Японии орнаментика формировалась на основе различных факторов, но в итоге была создана самобытная система орнаментов, наполненных определенным смыслом и имеющих четкие критерии употребления.

Период Асука-Нара (6-8 вв.) характеризовался активным заимствованием орнаментов и узоров из близлежащих стран - Китая, Кореи - многие из этих узоров, в свою очередь, проникали в Восточную Азию по Великому шелковому пути из Греции, Индии и др.

Исследования орнаментов этого периода показывает очевидные сходства и аналогии в орнаментах других древних культур Евразии.

На одежде помещали изображения мифических животных и растений, ассоциировавшихся с силой, властью. Например, изображались феникс и дракон, а также чудо-птицы и чудо-рыбы, не имевшие собственных названий, которые, по поверьям японцев, были способных отгонять злых духов. Оберегом считалось и изображение китайского льва, который во многих культурах был Царем зверей.

В этот же период были заимствованы буддийские орнаменты - растения и животные Западного рая Чистой земли - черепаха, птица с веткой дерева в клюве, небесная фея-птица Калавинка, мифические цветы.

Третья группа орнаментов древности была связана с небесными светилами и природными явлениями - солнцем, луной, звездами, облаками и т.д., которые считались местом обитания божеств, что придавало им магическую силу.

В период Хэйан и Камакура (9-14 вв.) происходит процесс преобразования орнаментов и складывания чисто японской системы декора, узоры приобретали новые значения в соответствии с японскими традициями.

Много орнаментов появлялось на основе китайской классической литературы, а с расцветом японской поэзии и прозы на их базе тоже сложился большой пласт подобных узоров. Изобретение азбуки-кана стало основой появления каллиграфического орнамента, когда буквы вплетались в декор так, что их было сложно отыскать в общей композиции. Этот вид дизайна получил название «асидэ» и стал типичным для того времени. «Японизация» орнамента проявилась также в широком изображении предметов, животных и растений, окружающих человека - цветущих вишен, хризантем, кленов, воробьев, оленей, хижин, оград и т.д. В это же время складывается аристократический орнамент, известный под общим названием «ю:соку-монъё». Это были именные узоры, которые стали прообразом гербовых изображений.

Период Муромати-Момояма (15-16 вв.) ознаменовался повсеместным распространением учения секты Дзэн, а вместе с ним искусств чайной церемонии и аранжировки цветов. В качестве мотивов орнамента стали использовать ритуальные буддийские предметы. Князья-военные имели свои ценности и эстетические воззрения, что ярко выразилось в формировании новой бытовой культуры. В это время появилось выражение «Эпоха важнее образца» (рэй ёри дзидай), что свидетельствовало о стремлении заменить заимствованные в древности китайские модели на новые, соответствующие новым веяниям времени. В качестве узоров стали изображать предметы, которые ранее находились вне рамок эстетики. Благодаря развитию товарно-денежных отношений совершенствовалось ремесло, и многие ремесленные товары стали использовать в качестве мотива декора предметов и одежды. Во второй половине 16 в. Япония познакомилась с европейской культурой, что оказало сильное влияние на орнаментику и декоративно-прикладное искусство в целом.

В 17 в. наступает период многообразия узоров и орнаментов. Эпоха закрытия страны, мирное развитие внутренней экономики, повышение благосостояния городского населения благотворно сказалось на развитии традиционной культуры. Традиционные ремесла регионов получили распространение по всей стране, и благодаря их развитию стало возможным создавать новые, более утонченные и сложные орнаменты. Резервированная роспись «юдзэн» позволила изображать на одежде сложные пейзажи. В этот период типичными становятся изображения бытовой жизни людей, жанровых сцен. Благодаря распространению грамоты в народе новое прочтение получили классические произведения поэзии и прозы, что соответственно обусловило новую интерпретацию орнаментов на литературные темы.

Так была сформирована основная система традиционной японской орнаментики.

В итоге, все существующие орнаменты можно разделить на следующие категории:

- 1. Растительный орнамент*
- 2. Животный орнамент*
- 3. Предметы*
- 4. Пейзажи и жанровые сцены*
- 5. Орнаменты, основанные на литературе*
- 6. Благопожелательные (праздничные) орнаменты*
- 7. Геометрические узоры*

Однако чаще приходится говорить о сочетаниях орнаментов. Конечно, существует немало кимоно, на которых изображают только сакуру, либо только журавлей и т.д. Но все же сочетания орнаментов вызывают больший интерес. Именно в сочетании рождается история, сюжет орнамента, задуманный художником или клиентом.

Кимоно — это сложный цельный образ, который сочетает в себе визуальные декоративные эффекты и смысловую наполненность. Одним словом, кимоно способно говорить. Оно может рассказать не только о возрасте, социальном статусе и настроении человека, о чем уже хорошо известно многим, но оно может рассказать человеку об исторических событиях, людях, быть словно страницей из романа, пьесы или поэтического сборника, может говорить здравницы и добрые пожелания, и многое другое.

Чем же руководствуются японцы при выборе орнамента? Есть два основных критерия - сезонность и хороший смысл узора, которые дополняются третьим - индивидуальным вкусом человека.

Сезон в орнаменте кимоно может быть запечатлен, как в более общем смысле, так и более подробно, когда темой орнамента становится какой-нибудь праздник. С другой стороны, орнамент может не иметь четкой привязанности к сезону или сочетать в себе все сезоны сразу.

Проще всего выразить сезон каким-либо растением, которое цветет или пребывает в самой красивой форме в определенное время года. Весна - слива, сакура, глициния, семь весенних трав, пион и т.д. Лето - молодой клен, бамбук, ирисы, гортензия, лилия, гвоздика. Осень - колокольчик, хризантема, леспедеца, красные листья кленов, опавшие листья. Зима - снег, сухие листья и ветви, нарциссы, камелии, керрия и др. Всесезонным растением была, например, вечнозеленая сосна и хвощ полевой.

Время года могли выражать также и иные орнаменты и их сочетания, ассоциирующиеся с каким-либо сезоном. Например, клетки для насекомых напоминают о времени, когда поют сверчки и цикады, цветы с бабочками олицетворяют лето, бамбук с привязанными на него листками с пожеланиями символизирует летний праздник Танабата. Конская упряжь и доспехи ассоциировалась с праздником мальчиков.

Каждый узор должен иметь хороший смысл и благоприятное лексическое выражение. Японцы верят в магию слова - котодама. Они до сих пор считают, что слово может навлечь беду или, наоборот, принести удачу. Орнаменты, связанные со словами «открыть», «начинаться», «расти», «продолжаться», «танцевать», «подниматься», «скрываться (в укрытии)», «избегать (беды)», «иметь будущее» - считались хорошими. А узоры, ассоциирующиеся со словами «падать», «заканчиваться», «рваться», «сжиматься» - плохими.

Приведем примеры.

Лоза - виноград, лоза глицинии и просто стилизованная растительная вязь - ассоциируется с благоприятным словом «продолжаться».

Водный поток - связан со словом «течь, утекать», что вроде бы говорит о недолговечности, непостоянстве, когда что-то безвозвратно уходит. Однако если поток изображался ровным, спокойным, то это было словно пожелание «спокойно протекающей жизни», а если вода бурлящая, течение стремительное с вздымающимися на поверхности волнами, то это уже ассоциировалось с бурей и бедствием.

Складной веер - раскрытый веер - связан со словом «открывать, раскрываться», что несет благоприятный смысл, однако он не должен быть открыт полностью, иначе появляется смысл, что будущего уже нет, ему дальше некуда открываться, конец.

Морские двустворчатые раковины - каждая такая ракушка уникальна и только створки одной раковины могут идеально подойти друг другу и плотно закрыться. Поэтому этот мотив орнамента получил лексическую ассоциацию «идеально совпадать», «находить вторую половину», «гармония».

Один из видов ириса по-японски называется «сё:бу», точно так же звучит и слово «победа».

Камелия издревле считалась божественным цветком и ее изображения украшают многие предметы декоративного искусства, однако ее цветки опадают с куста еще не увянув, в своей полной красе, а это обстоятельство заставляло многих отказаться от такого орнамента на своей одежде.

Ликорис - хиганбана - содержит в луковицах яд, поэтому его стали высаживать на кладбищах, чтобы грызуны не разоряли могилы. В итоге этот красивейший цветок стал ассоциироваться с кладбищем и приобрел отрицательный смысл.

Цветок розы тоже несет неблагоприятный смысл, т.к. шипы на ее стеблях ассоциировались с болью, что было гораздо важнее, чем красота и аромат самого цветка.

Кроме этого, орнамент может иметь благоприятную или неблагоприятную композицию!

Если на ветке нет бутонов или перед бутоном нет свободного места, где бы мог раскрыться цветок, то это обозначает, что цветению нет будущего.

Одинокая прямая ветка может нечаянно доходить до линии бедер и тогда создается ощущение, что ветка стремится уколоть или человек сидит на ней.

Бабочки могут быть замкнутыми между несколькими прямыми линиями и кажется, будто они попали в клетку, что создает неприятные ассоциации.

Число «пять» имеет очень хорошее значение. Есть выражение «Го-эн га ару», звучание которого соответствует сразу двум смысловым контекстам «Иметь пять иен» и «иметь добрую удачу». Слово «эн» так же обозначает «круг». Поэтому если в орнаменте есть пять одинаковых предметов, либо пять кругов, то это считается хорошим знаком.

Конечно, человек руководствуется определенными традиционными принципами, но его собственный вкус и эстетические пристрастия оказывают большое влияние на выбор узоров.

Кимоно — это, прежде всего, вещь, предназначенная для надевания. И лишь во вторую очередь оно может являться произведением искусства. Поэтому оно создается не по творческой прихоти автора, а в соответствии со вкусом заказчика.

Современный мир моды развивается по тем же принципам, что и в предыдущие эпохи. Дизайнеры предлагают потребителям свои идеи, и те, которые получают наибольшую популярность, тиражируются.

В эпоху Эдо (17-18 вв.) появились печатные каталоги орнаментов кимоно - хинагата-бон, которые заменили традиционные книги заказов, где каждый заказ подробно описывался со слов заказчика. Книги хинагата и цветная гравюра стали первыми журналами мод в Японии, на основе которых горожане делали заказы на изготовление одежды.

Примеры сочетаний орнаментов и их значение

1. На старой китайской сосне, покрытой мхом, плетется глициния. Ее многочисленные гроздья цветов спускаются с веток. Сосна вечнозеленое растение, она символизирует долголетие. Из волокон глицинии изготавливали ткани для одежды, что было важно во все времена и ассоциировалось с достатком. Этот орнамент можно трактовать так «Процветание до скончания веков», т.е. пока вековые сосны не порастут мхом.

2. Мотив «сакудо» представляет собой небольшой кусок дерна, по форме напоминающий висячий колокол. Почва, дерн — это верхний плодородный слой земли, где растения пускают свои корни. Если необходимо было пересадить растение, то его вынимали из земли вместе с частью почвы. Этот мотив был заимствован из Китая. В Японии на фоне «сакудо» изображали цветы и зайца. Поэтому впоследствии этот орнамент стали также называть «цветы-заяц». По китайской легенде заяц вместе с лягушкой на луне толкут в ступе эликсир вечной молодости. Полевой хвощ использовали для полировки бронзовых зеркал. А зеркало, в свою очередь, ассоциировалось с лунным диском. Поэтому сочетание изображений зайца и хвоща напоминало зрителю о древней легенде. Иногда вместо зайца изображали лишь мотив «сакудо», который ассоциировался с этим животным.

3. На однотонном фоне кимоно изображены разрывы и сквозь них виднеются фениксы и ветви плетущейся лозы. Этот орнамент может обозначать следующее: «Пусть монотонность будней будет разорвана и в жизнь придет удача, счастье и процветание, которые продлятся много лет».

4. Мотив «китайские дети» символизировал плодородие и семейное благополучие. Слон, индийское животное, которого японцы никогда не видели, и его изображение вместе со смысловым значением было заимствовано из Китая. Слон - сильное животное, которое ступает по земле медленными уверенными шагами. Его почитали за помощь человеку. Данное сочетание могло означать «Пусть ваша семья будет многочисленной и уверенно идет по пути процветания».

ЯПОНСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ ОДЕЖДА И КЛАССИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА (2009)

Сочетание пейзажа и сцен из «Повести о Гэндзи»

Литература является важным источником, благодаря которому мы можем узнать о жизни японцев минувших эпох. Придворные составляли исторические хроники, поэтические антологии, писали романы, в которых часто упоминался костюм и связанные с ним обычаи и традиции. С другой стороны, литература вдохновляла художников на создание сюжетного декора одежды. Так проявлялось взаимное влияние и обогащение - мотивы классической китайской и японской прозы и поэзии пронизывали орнаментику костюма, а описания одежды в свою очередь украшали страницы литературных произведений.

В период Хэйан костюм играл чрезвычайно важную роль в обществе. Ранговая система, установленная в предшествующие века предполагала строгое соблюдение регламента в одежде. Цвета костюма и его составляющие части были прописаны в законах и все установления неукоснительно соблюдались. Несмотря на то, что в кодексах были указаны ограничения, касающиеся только мужского костюма, женщины должны были соблюдать эти правила либо по рангу отца, либо по рангу мужа. Ансамбли женского платья были описаны в отдельных трактатах для придворных дам. Одно из самых известных подобных сочинений - «Наставления Минамото Масасукэ о придворном платье».

Этот трактат был написан Масасукэ, непревзойденным знатоком хэйанского придворного этикета, для Фудзивара Таси, которая оказалась под пристальным вниманием двора, т.к. дважды становилась женой наследника престола. «Наставления» использовали при дворе вплоть до эпохи Эдо, настолько гармоничными были цветовые сочетания, предложенные Масасукэ [Dalby, 2001, с. 240].

В период Хэйан китаизированное платье приобрело национальные черты и появилось чисто японское эстетическое сознание. Многослойные объемные одежды стали одним из важных средств украшения и саморепрезентации. Жестко ограниченный рамками законов, костюм должен был соответствовать сезону, социальному положению, событию и при этом отражать индивидуальность человека. По новым эстетическим традициям одежда стала деталью оформления интерьера, поэтому ее либо развешивали на специальных рамах, либо обвязывали фрейлин присутствовать в покоех. Кроме того, демонстрация своих нарядов была важной частью придворного этикета. «Когда нижний край церемониального занавеса в покоех танцовщиц был закатан кверху и подвязан, рукава придворных дам пролились из-под него потоком» [Сэй Сёнагон, 1988, с. 113]. В этой сцене из «Записок у изголовья» одна из аристократок сокрушалась, что узел на ее поясе расслабился и она попросила помощи завязать его снова.

Это наглядно показывает, насколько важно было выглядеть безупречно. Кроме того, дама не могла сама завязать пояс, потому что объемные одеяния просто не позволяли свободно двигаться и даже если бы она сделала это самостоятельно, то тогда разрушилась бы форма уже уложенных складок одежды.

Аристократки не могли на людях показывать свое лицо и на всех приемах сидели за ширмой либо за бамбуковой занавеской, поэтому о красоте женщины, богатстве ее внутреннего мира, о чертах ее характера судили обычно по ее умению одеваться и слагать стихи, а о ее внешности чаще всего ходили только слухи. Сэй Сёнагон так описала один из осенних нарядов придворной дамы: «Дама казалась настоящей красавицей...на ней была нижняя одежда из густо-лилового шелка, матового, словно подернутого дымкой, а сверху другая - из парчи желто-багрового цвета осенних листьев, и еще одна из тончайшей прозрачной ткани. Пряди ее волос, волнуемые ветром, слегка подымались и вновь падали на плечи. Это было очаровательно... Да, она умела глубоко чувствовать!..» [Сэй Сёнагон, 1988]

Цвет стоял особняком и представлял особый огромный пласт культуры в эпоху Хэйан, который влиял на одежду, предметы обстановки, поэзию и прозу. Цвет выражал целый комплекс отношений и ассоциаций, который условно можно представить следующей связкой «событие-человек-сезон-природа».

В «Записках у изголовья» приводится следующее описание одежды юноши из процессии главной жрицы храма Исэ: «Поверх своих цветных (желто-зеленых прим. авт.) одежд люди эти небрежно, только для вида, набросили белые. Словно перед нами появилась живая изгородь, усыпанная белыми цветами унохана. Казалось, в ее сени должна притаиться кукушка» [Сэй Сёнагон, 1988, с. 225]. Унохана цветет ранним летом крупными белыми цветами и сочетание белого на зеленом было названо по имени этого цветка. Такие одежды носили придворные низкого ранга, поэтому говоря об одном, сразу вспоминалось другое «цвет-цветок-сезон-человек».

Кроме того, цвет одежды зависел от социального положения и возраста человека. Так, например, Мурасаки Сикибу писала в своем дневнике: «Поскольку же монахиня вырастила ее одна, без матери, наряды девочки и теперь не отличались яркостью, она носила розовые, светло-лиловые, светло-желтые гладкие платья» [Мурасаки Сикибу, 1997]. Дети и молодые люди, воспитывавшиеся в монастырях или потерявшие родителей, не могли одеваться ярко. Старики и люди без звания носили не узорчатую, гладкую одежду.

По обрядам, связанным с беременностью и родами, женщины должны были носить определенные одеяния. За несколько дней до родов покои, где находилась будущая мать, завешивали внутри белой тканью, и все, кто был в этой части дворца, надевали белые одежды. Мурасаки Сикибу писала о приготовлениях к рождению ребенка во дворце: «Еще не наступил рассвет 10-го дня, как покои государыни уже преобразились, а сама она перебралась на помост, закрытый белыми занавесями» [Мурасаки Сикибу, 1997, с. 41]. Такое белое убранство дома меняли только на 100-й день после рождения.

В «Повести о Гэндзи» Мурасаки Сикибу насчитывается более 200 действующих лиц, одежда многих из них описана автором. В дневнике Мурасаки Сикибу есть много описаний костюмов придворных дам: «Короткая накидка была украшена узором из сосновых шишек, а на белом шлейфе - бледно-голубыми нитками был вышит берег моря. Пояс - из тонкой ткани с узором китайских трав. На шлейфе Косёсё блестящей серебряной нитью были вышиты осенние травы, бабочки, птицы» [Мурасаки Сикибу, 1997, с. 52].

Мужские портреты в литературе встречались не часто, но они вызывали такое же восхищение у авторов, как и женские: «Куродо шестого ранга. Несмотря на свой невысокий чин, он великолепен! Подумать только, куродо вправе носить светло-зеленую парчу, затканную узорами, что не допускается даже отпрыскам самых знатных семей!..» [Сэй Сёнагон, 1988, с. 110].

К сожалению, в классической японской прозе почти никак не отразился народный костюм и одежда низких слоев средневекового общества, однако упоминается довольно много обычаев того времени, относившихся к костюму, которые соблюдали в обществе.

Некоторые представления о жизни крестьян дают следующие отрывки из поэтической антологии «Манъёсю».

*В платье скромном и простом
Из дешевого холста
С голубым воротником,
Дома пряла и ткала
Все как есть она сама!
Даже волосы ее
Не знавали гребешка,
Даже обуви не знала,
А ходила босиком,
Несмотря на это все,
Избалованных детей,
что укутаны в парчу,
Не сравнить, бывало, с ней!*

[Манъёсю, 1987].

Женщины и девушки проводили много времени за отбеливанием, окрашиванием тканей. Коллективные занятия имели не только практическую, но и социальную значимость: происходил обмен знаниями между поколениями. Кроме того, был распространен обычай, когда молодые люди тайком приходили понаблюдать за девушками и таким образом выбирали себе невест.

*На горе Цукуба,
Может, выпал снег?
Или нет, не он белеет там вдали?
Это, верно, милая моя
Для просушки расстелила
полотно*

[Манъёсю, 1987, с. 85].

На основе древних обычаев сложился комплекс верований, связанных с одеждой, который окончательно оформился к концу IX в. Многочисленные упоминания этих традиций сохранились в средневековой поэзии, в антологиях «Манъёсю» и «Кокинвакасю».

Чтобы всегда любить и помнить друг друга в разлуке, люди обменивались нижней одеждой или окрашивали одежду в какой либо цвет на память, обычно в красный или красно-лиловый (мурасаки).

*Одежду, что в знак памяти дала
Моя любимая,
Я вниз надену,
До дня, пока вдвоем не буду с нею,
Одежду эту не сниму.*

[Кокинвакасю, т. 3, 1995, с. 147].

Существовал обычай класть друг другу в изголовье свои рукава, поэтому во время разлуки считалось, что, если положить себе под голову вывернутый рукав, то приснится любимый человек.

*Каждой ночью, как ложусь,
В изголовье я кладу
Белотканый твой рукав...
И нет ночи ни одной,
Чтоб не видел я во сне
Милую мою жену*

[Манъёсю, 1987, с. 107].

Обычай махать вслед уходящему человеку есть у многих народов, а чтобы фигуру было лучше заметно издали, в Японии махали рукавом, вместо европейского платка. Если же хотели, чтобы кто-то поскорее вернулся, то выходили на обозреваемое место с отогнутыми рукавами.

*...Все стоишь ты у ворот,
Прислонившись,
И зовешь,
Отгибая рукава*

[Манъёсю, 1987, с. 99].

*Иду полями нежных мурасаки,
Скрывающих лиловый цвет в корнях,
Иду запретными полями,
И может стражи замечали,
Как ты мне машешь рукавом*

[Манъёсю, 1987, с. 138].

Японцы верили, что одежда способна менять не только внешний облик человека, но и его дух. В сказке «Повесть о старике Такэтори» приемная дочь дровосека должна была вновь вернуться на луну, откуда она прилетела. Для этого ей необходимо было переодеться в лунное платье, надев которое Кагуя-химэ стала бы похожей на всех лунных жителей и забыла обо всем, что с ней происходило на Земле. Без этой одежды она не могла подняться на небо. В театральных представлениях Кабуки и Но широко используют прием с быстрой сменой одежды, когда необходимо показать скрытую сущность героя.

Пояс химо с древних времен имел особое значение. Иероглифы, которыми записывалось это слово гласили, что это «священная вещь, прикрепленная к юбке мо». Пояс был частью верхней одежды, но постепенно стал принадлежностью нижней, а узел на нем приобрел значение охранителя души. Считалось, что он связывает человека с богами. Вместе с традицией скрывать пояс химо от посторонних глаз появился оби - более широкий пояс, который служил украшением одежды [Мотои, 1969, с. 38].

О значении химо можно судить хотя бы по тому, что в «Манъёсю» есть около 200 стихов, в которых упоминается пояс и связанные с ним традиции. Пояс был личной вещью, и его никому не показывали кроме мужа или жены. Влюбленные дарили друг другу пояса, сделанные своими руками, веря в то, что этим они связывают свои души. Расставаясь, супруги завязывали друг другу пояс и клялись сохранять верность до возвращения.

*...Не развязывал я шнур,
В одиночестве я жил...*

[Манъёсю, 1987, с. 111].

С другой стороны сюжеты литературных произведений находили отражение в том числе в декоративно-прикладном искусстве и одежде. Достаточно посмотреть на орнаменты костюма и станет понятно, какая поэзия и проза была популярна среди людей разных социальных слоев в разные периоды японской истории. Сами узоры можно разделить условно на три типа: в орнаменте могли доминировать иероглифы и азбука, предметы, символизирующие сюжет и, наконец, непосредственно персонажи произведений.

В 7-8 вв., когда японцы активно заимствовали культуру с материка, орнаментальная традиция в этот период была общей для всего региона Азии, т.к. она распространялась по Великому шелковому пути. В Японии сохранилось много образцов узоров пришедших из южной и средней Азии, а также их корейские и китайские интерпретации. На одежде японцев появлялись мотивы китайских мифов и буддийских притч. Сказочные животные и растения изображали на одежде в надежде получить ту силу, которая приписывалась этим объектам. Дракона, который считался самым могущественным животным, изображали на одежде и утвари императора. Легенда о Хорайсан - обетованной земле, где живут просветленные мудрецы, была одним из сюжетов вышивки на шлейфах придворных дам. Этот мотив изображали в надежде попасть однажды в райский мир [Намики, 2006, с. 14].

В период Хэйан шло формирование традиционной японской культуры с яркими региональными особенностями. В литературе произошел переход от китайских стихов к ямато-ута (вака), родилась проза такая, как «Повесть о Гэндзи», которая описывала быт аристократии.

В изобразительном искусстве также наблюдался отход от китайской тематики, и авторы обратились к бытовым обыденным сюжетам. Начался активный процесс выражения японского эстетизма доступными декоративными средствами.

Создателем и проводником этой новой эстетики стала придворная аристократия, и наслаждение литературой и искусством было практически недоступным для простолюдинов. В народе все так же бытовали мифы и народные песни, которые пока не находили широкого отражения в орнаменте в связи с низким уровнем технологий производства тканей в крестьянской среде.

Благодаря появлению азбуки стихи и прозу стали писать каной, а не только иероглифами. Тонкая изящная вязь букв и иероглифов вплеталась в орнамент, в котором были зашифрованы стихи или сюжеты прозы, и дополняла его смысл. Этот декоративный прием был назван асидэ - «ростки тростника». Название появилось в связи с тем, что сначала буквы стилизовали под травянистые растения и цветы, однако в дальнейшем их «прятали» и в ветвях деревьев, и в потоках воды, скалах, очертаниях животных и предметов.

Зрителю предлагалось найти в узоре слова, добавить их к увиденному изображению и отгадать литературное произведение, которое послужило основой орнамента. Прием асидэ был популярен до эпохи Эдо. По мере того, как увлечение поэзией распространялось среди народа, тем асидэ становились проще и стилизованнее, доходя порой до совсем символических намеков и почти неузнаваемых букв. Тем не менее знатоки наслаждались поэтическим миром декоративного искусства [Намики, 2006, с. 34].

Следующий декоративный прием, связанный с литературой - утамакура. В поэзии определенные слова связывались с конкретными образами, что и получило название утамакура. В узорах одежды появлялись устойчивые сочетания орнаментов, которые напоминали обычно о какой-либо известной местности. Например, сочетание красных листьев клена и водного потока ассоциировалось ни с чем иным, как с рекой Тацута. Одна из известных танка об этой реке принадлежит Аривару-но Нарихира:

*Нет, даже век богов
Не ведал такого чуда!
На реке Тацута
Алые листья кленов
Узором заткали волну.*

[Кокинвакасю, 1995, т. 2]

Так же в стихах была воспета красота цветущей сакуры в долине Ёсино, поэтому это место символично изображалось как уходящие вдаль деревья цветущей вишни. Гора Фудзи, благодаря поэзии, была неотделима от снега, а изображение сосен на берегу моря и ворот тории напоминало о местности Сумиёси, где находилось одно из любимых мест паломничества аристократов. Тем не менее в итоге получалось, что если зритель не знал исходного стиха и ассоциации, то для него орнамент оставался лишь орнаментом.

В период Муромати (14 - 16 вв.) китайская литература получила распространение среди самурайства и далее в период Эдо (17 - 19 вв.) в городской среде. Популярными были орнаменты, основанные на сюжетах 24 притч, в которых воспевались конфуцианские добродетели. Предметы, символизировавшие сюжет каждой притчи, постепенно приобретали собственный смысл, связанный с ее содержанием, и в дальнейшем применялись отдельно.

В орнаменте часто использовали четыре растения - хризантема, слива, бамбук и орхидея - символизировали соответственно четырех китайских мудрецов-поэтов - Тао Юаньмин, Лин Хэцзин, Чжоу Маошу и Хуан Шаньгу [Ватанабэ, 1971, с. 349]. Если изображали только бамбук и сливу, то они приобретали еще и дополнительный смысл «стойкость и процветание».

«Семь китайских богов счастья» был еще одним популярным мотивом. Мифических персонажей изображали вместе либо по отдельности друг от друга. Иногда их заменяли те предметы, которые каждое божество имело при себе: посох бога долголетия, удочка бога удачи, мешок с деньгами бога достатка и т.д.

Большое влияние на декоративное оформление одежды оказали пьесы театров Но и Кабуки. В среде самурайства и аристократии были распространены орнаменты на основе сюжетов театра Но, а в городской среде - узоры на основе пьес Кабуки. Каждая пьеса изображалась символически сочетанием нескольких предметов, характерных для каждой истории. Например, шелковая накидка с узором перьев на ней, лежащая на ветвях сосны, ассоциировалась с пьесой Но «Хагоромо» (Небесная одежда), в которой фея потеряла свою накидку и без нее не могла вернуться на небо.

Пьеса «Додзёдзи» (Храм Додзё-дзи) символически изображалась сочетанием двух предметов - маски злого духа и посоха либо высокой шапки эбоси из черного шелка и танцевального веера. Первое сочетание напоминало о разгневанном духе влюбленной женщины Киёхимэ, второе - о девушке Ханako, которая танцевала в храме.

Сюжеты пьес Кабуки также зашифровывались в сочетаниях предметов в одном орнаменте. Но под влиянием Кабуки сформировался еще один тип орнаментов. Актеры театра были чрезвычайно популярны в городской среде, поэтому горожане стремились во всем подражать своим кумирам. Многие орнаменты костюмов, которые использовались в популярных спектаклях, быстро распространялись в народе. В их названиях присутствовали либо названия пьес, либо имена актеров, исполнявших данные роли. Например, орнамент клетки из широких полос носил двойное название «бэнкэй коси» - «клетка Бэнкэя», узор одеяний Фуна Бэнкэя из пьесы «Кандзинтё» (Указ государя) или «кикугоро коси» - «клетка Кикугоро», по имени исполнителя этой роли.

Японцы до сих пор верят в магическую силу слова котодама, поэтому всегда очень много внимания уделяют смыслу и звучанию высказывания. Эти верования повлияли и на орнаментальную культуру.

Слова, несущие в себе смысл «раскрываться», «увеличиваться», «расти» и т.д., считаются благоприятными, поэтому те узоры, которые ассоциируются с этими словами - веер, цветы, деревья и т.д. - тоже становились благопожелательными. Однако если веер был раскрыт полностью или у цветов не было бутонов, то такой орнамент считался плохим, потому что пропадала перспектива развития, и в таких узорах японцы ощущали конец чего-то, предел и следующий за ним упадок. Неблагоприятными были орнаменты, связанные со словами типа «закрываться», «увядать», «утекать», со стихийными бедствиями, болью и т.д. Например, вздымающиеся волны напоминали о шторме, и такой орнамент одежды, как верили японцы, мог навлечь на ее обладателя неприятности в жизни. Розы в декоре костюма встречаются очень редко, так как этот цветок ассоциируется больше с шипами, нежели с прекрасным ароматом и безупречностью формы.

Ольга Хованчук

Литература

Кокинвакасю: Собрание старых и новых песен Японии. Т. 3. Свитки XVII - XX / пер. со старояп. А. Долина. - М.: Радуга, 1995.
Манъёсю: избранное. - М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987.

- Мурасаки Сикибу. Дневник. - СПб.: Гиперион, 1997.
- Мурасаки Сикибу. Повесть о Гэндзи. Т. 5: Приложения / отв.ред. Т.П. Григорьева. - М.: Наука, Восточная литература, 1993.
- Сэй Сёнагон. Записки у изголовья; Камо-но Тёмэй. Записки из кельи; Кэнко Хоси. Записки от скуки / пер. со старояп. Т. Григорьевой. - М.: Художественная литература, 1988.
- Ватанабэ Сосю. Тоё монъёси = История дальневосточных орнаментов. - Токио: Тосанбо, 1971.
- Мотои Тикара. Нихон хифуку бункаси = История японского костюма. - Токио: Косэйкан, 1969.
- Намики Сэйси. Нихон-но дэнто монъё = Традиционные японские орнаменты. - Токио: Токёбидзюцу, 2006.
- Dalby L. Kimono : Fashioning Culture / L. Dalby. - Berkshire: Vintage, 2001.

Olga A. Khovanchuk. Japanese traditional clothing and classic literature

Japanese literature and costume design influenced each other very much from early times. In Heian period, for example, aristocrats had strict rules for their layered dress. But in spite of these rules court costume was extremely sophisticated and poetry and novels were «decorated» with descriptions of aristocratic costume. On the other hand textile design was influenced by literature. In patterns we can find Japanese or Chinese characters, kana, different things representing the plot of the novel or poem, or even literature characters and authors. More Chinese and Japanese classic literature spread in the society more literature based textile designs we can find. In the Edo period town people enjoyed poetry, novels and theatre and the art of allusions in decorative textile patterns flourished.

НИСИДЗИН – «СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ» ЯПОНСКОГО ТКАЧЕСТВА (2010)

В период Нара переселенцы с материка принесли в Японию не только новые технологии земледелия, но и искусство шелководства и ткачества. Семейство Хата, которое занималось шелководством, обосновалось в районе Удзумаса, располагавшемся в западной части нынешнего Киото.

В дальнейшем, когда была построена новая столица Хэйан, этот город стал центром ткачества дорогих тканей для придворных и аристократии. Были построены государственные ткацкие мастерские Орибэ-но цукаса – Управление ткачества – которые располагались рядом с кварталом управления снабжения Двора – Оотонэри-мати. Когда в 9-10 веках придворные стали постепенно терять власть, ткачи, приписанные к дворцовому управлению, вышли из-под его контроля, и переехали в квартал Оотонэри, где основали частные мастерские и корпорацию ткачей Оотонэри-дза. В летописях того времени упоминалось о том, что в Киото в основном производили ткани китайского типа, а узорчатый атлас оотонэри-ая славился по всей стране.

Из-за мятежа годов Онин во второй половине 15 века Киото был razорен, и квартал ткачей не стал исключением. Мастера переселились в портовый город Сакаи, недалеко от Осака. В 1471 г. корабль, шедший из Китая, из-за военных действий в провинции смог причалить только в порт Сакаи, что в итоге превратило этот маленький городок в центр торговли с Китаем. В результате активных торговых контактов мастера узнали несколько новых способов ткачества.

Мятеж годов Онин начался в 1467 г. и длился более 10 лет, затронув сильнее всего Киото. Армии двух кланов Хосокава и Ямана базировались в противоположных частях города, в связи с чем появились два названия Нисидзин (Западный лагерь клана Ямана) и Хигасидзин (Восточный лагерь клана Хосокава).

После восстановления мира выжженный и razоренный Киото начал возрождаться. Это коснулось и ткацкого промысла. Мастера вернулись из Сакаи в столицу и стали быстро развивать те знания и технологии, которые получили с материка. Поселились они в своем историческом районе на западе столицы, сохранив при этом недавно появившееся географическое название. Нисидзин стал местом развития ткачества, центром передовых технологий.

Часть вернувшихся в столицу ткачей поселилась в деревушке Сиракумо (ныне район улиц Синмати и Имадэгава), где стали выпускать лишь один вид тканей (к тому же старого образца) - нэринуки (нити основы - из шелка сырца, нити утка - из высококачественного мягкого шелка).

Однако с окончанием периода Момояма в конце 16 века эти ткани потеряли популярность, и мастера полностью лишились работы. Между тем ткачи самого Нисидзина стали производить новые ткани – атлас, саржу, жаккард, креп и др. – которые широко использовали горожане для пошива повседневной одежды.

Развитие Нисидзина после мятежа годов Онин было стремительным. В 1548 г. в корпорации ткачей Оотонэри-дза появились мастерские, выполнявшие заказы сёгуна и его семьи. Особенно большими были заказы 1567 и 1571 годов. В 1571 г. по случаю окончания строительства дворца Ода Нобунага в городских празднествах принимали участие и мастерские 21-го квартала Нисидзина, и в хрониках «Токицугу кёки» (1527-1576) описывается богатство одеяний простых горожан: «Все пестрило серебряной и золотой парчой, атласом, китайскими цветными тканями, пылало алыми красками и блестело глянцем. Невиданное и неслыханное доселе великолепие». В этом же году 6 из 31 клана мастеров, входивших в корпорацию ткачей Оотонэри-дза, было повелено сформировать Государственное управление ткачества Орибэ-но цукаса.

В 1592 г. из Китая была заимствована технология изготовления золотой фольги на бумажной основе, которая применялась в ткачестве, и в Нисидзине стали активно производить золотую парчу кинран, о чем говорится в хрониках «Рокуон нитироку» (1487-1651).

В дневниках Хуана Родригеса, португальского проповедника, есть упоминания о том, что на рубеже 16-17 вв. в Киото насчитывалось 5 тыс. ткацких станков, и большинство из них находилось в Нисидзине. На рубеже 16-17 вв. Нисидзин был крупнейшим в Японии центром производства узорчатых тканей.

Большинство производимых в Нисидзине тканей были узорчатыми. Конечно, до начала 17 в. ткачи в основном обеспечивали богатой материей лишь высшие сословия – аристократов и самурайство. Но с середины 17 в. разбогатевшие городские жители смогли также покупать ткани Нисидзина. В этот же период из Китая стали ввозить много сырья для ткачества, и практически весь его объем скупал Нисидзин, что позволило производить дорогие высококачественные ткани в большом количестве. Период с 1688 по 1735 гг. был Золотым веком района ткачей.

Нисидзин занимал площадь от улицы Хорикава на востоке до улицы Сэмбон на западе, и от улицы Родзандзи на юге до Первой линии на севере. Наибольшее количество производителей и купцов работали в районе пересечения улиц Оомия и Имадэгава.

Этот перекресток даже получил нарицательное название – перекресток тысячи рё (рё – денежная единица). Каждый день здесь совершалось огромное число сделок. Всего в районе насчитывалось более 160 кварталов, и они были разделены на Верхнее и Нижнее объединения.

В таком виде Нисидзин просуществовал до большого пожара 1730 г., который в японской истории получил название «Пожар Нисидзин». Из 160 кварталов сгорели дотла 108, более 3000 зданий и более 3000 станков были безвозвратно потеряны. Вдобавок к этому в 1788 г. Нисидзин постиг еще один пожар, который также нанес непоправимый ущерб промыслу.

Однако на этом страдания Нисидзина не закончились. Пока шло восстановление района, мастера разъехались по провинциям в поисках работы и покровительства князей-даймё. Это в итоге привело к появлению сильных конкурирующих центров ткачества в провинциях и тяжелым последствиям для самого Нисидзина. Ближайшие к Киото центры сформировались в провинции Танго и Нагахама, а более удаленные - в местностях Кирю и Исэдзаки.

В 1830-40-х гг. из-за большого неурожая в стране разразился кризис. Спрос на дорогую одежду очень сильно снизился, а в 1841 г. в ходе правительственных реформ был издан указ о запрете производства и продажи шелковых тканей.

Революция Мэйдзи и перенос столицы в Токио стали причиной окончательного запустения Нисидзина.

Однако после стабилизации политического положения в стране и начала культурных преобразований огромные усилия были приложены к возрождению киотоского района ткачей. Помощь оказывало не только префектуральное правительство, но и центральное, к тому же велико было стремление восстановить свой район у самих мастеров и жителей.

Во-первых, в 1869 г. была создана компания Нисидзин буссан кайся, которая занялась контролем производства, сбыта и доставки тканей. Во-вторых, в 1872 г. префектуральное правительство Киото направило Сакура Цунэсити, Иноуэ Ихэй, Ёсида Тадасити во французский г. Лион, где они должны были изучить соответственно европейское ткачество, окрашивание тканей и создание необходимых для этого ткацких станков и механизмов. Сакура и Иноуэ вернулись в Японию через 6 лет, привезя с собой жаккардовый станок, новые детали для ткацкого станка (бёрдо и батан), станок для создания перфокарт для изготовления жаккардовых тканей и другие приспособления, кроме этого, они приобрели новые знания и навыки.

В конце 19 в. привезенные из Европы технологии были быстро освоены мастерами Нисидзина, и район снова стал важным центром ткачества Японии. После японо-китайской войны вместе с развитием союзов ремесленников, в Нисидзине уже насчитывалось более 10 тыс. станков, соответственно вырос и капитал, задействованный в сфере ткацкого производства. В начале 20 в. стали возрождать древние технологии создания тканей, из которых изготавливали эксклюзивные товары. С другой стороны, мастерские активно развивали механическое производство, чтобы сделать ткани более доступными широкому кругу покупателей. В таком виде Нисидзин дожил до наших дней – сохраняя традиционные технологии и развивая современные. Сейчас в районе ткачей есть музеи, исследовательские и выставочные центры.

Ольга Хованчук

ОДЕЖДА В ТРАДИЦИОННЫХ ЯПОНСКИХ ИСКУССТВАХ (2011)

Материалы встречи клуба «Ичи го – ичи э» 09.04.2011, г. Владивосток

В современном мире традиционная одежда естественным образом уступает место европейскому платью. Кимоно тоже подвержено изменениям. Теперь его изготавливают с помощью современных технологий окрашивания и ткачества. Его декоративное оформление меняется в соответствии со спросом. Национальный костюм наряду с другими феноменами культуры стал площадкой для экспериментов в попытках найти новые возможности его развития и трансформации в наши дни. Но несмотря ни на какие социальные и культурные изменения мир традиционных искусств в Японии сохраняется почти в неизменном виде, что и делает эту страну в глазах всего мира уникальной и неповторимой.

Названия традиционных искусств Японии содержат суффикс ДО, что означает Путь. Этот путь совершенствования самого себя через познание определенного мастерства становится стилем жизни, поэтому в нем важно все: навыки, знания, мысли, речь, поведение, одежда.

Только воспитывая себя со всех сторон, можно постичь Путь. Поэтому до сих пор во всех традиционных искусствах костюм является неотъемлемой частью процесса постижения каждого из искусств, будь то чайная церемония, танец и т.д. Здесь кимоно сохраняют для того, чтобы сохранилось само искусство. Создался определенный замкнутый круг: когда зародилась, например, чайная церемония, люди носили кимоно, поэтому для того чтобы понять что чувствовали люди в старину, совершая чайное действо, совершенно обязательно надеть и старинный костюм.

Театральное искусство, возможно, сильнее всего связано с костюмом, потому что актерам необходимо перевоплощаться в своих героев на сцене, и костюм помогает им в этом. Японцы издревле считали, что одежда способна изменить сущность человека. Опрятный внешний вид был показателем гармоничности души и благодетели. В «Повести о старике Такэтори» чтобы вернуться на Луну Кагуя-химэ должна была надеть лунные одежды, иначе бы она не превратилась снова в лунного жителя. В пьесе «Хагоромо» фея тоже не могла улететь на небо без своей накидки, которую она потеряла в лесу. Когда нужно показать скрытую сущность героя, например, его превращение в демона, используют прием «хикинуки» - быстрой смены одежд, который проводят прямо на сцене перед зрителями.

Так как на сцене актеры используют очень сложные костюмы, то совершенно естественно, что и тренировки, репетиции и большую часть обычной жизни они проводят в традиционной одежде. Она дает совсем другое ощущение тела, чем европейская одежда, меняется дыхание, движения, походка. Так рождается необходимое для традиционного танца физическое и душевное состояние.

Представители разговорного юмористического жанра «ракуго», люди, занимающиеся традиционными танцами «нихон буё», игрой на традиционных инструментах (кото, сямисэн, бива и т.д.), гейко и майко, многие мастера традиционных ремесел носят кимоно как на сцене, так и в повседневной жизни, чтобы сохранить внутреннюю связь с многовековыми традициями каждого из искусств.

В Кадо (икэбана) мастера и ученики тоже считают кимоно предпочтительной для занятий одеждой. Сезонность, которая является неотъемлемым критерием при выборе одежды, позволяет почувствовать единение с природой и внутреннюю гармонию. Цвет и орнамент вызывают в человеке определенные эмоции, и они затем воплощаются и в цветочную композицию. Кимоно при этом не должно быть ярче цветов, которые используются в аранжировке.

Больше всего ограничений и правил установлено в отношении одежды для чайной церемонии. Кроме соответствия кимоно сезону, настроению, окружающей обстановке и чайной утвари, в нем должно отражаться уважение к хозяину, гостям и другим участникам чайного действия. Соблюдение правил этикета чрезвычайно важно при проведении официальных чайных приемов «тядзи».

На чайной церемонии «ооёсэ» (неформальный, обычный чайный прием) уже можно чувствовать себя более свободно в выборе одежды, но кимоно не должно быть слишком запоминающимся, чтобы не оставалось впечатления «ах, опять это кимоно», и не отвлекало от самого процесса чайного действия. На церемонии «хацукама», устраиваемые по случаю нового года, можно надевать более праздничные, более декорированные кимоно, нежели обычно. В этом случае позволены даже яркие фурисодэ. Однако мастера рекомендуют не завязывать слишком объемные банты.

На кимоно для чайной церемонии должен обязательно присутствовать герб «мон». Это может быть герб семьи (камон), школы чайной церемонии или символический знак (кадзари-мон). Герб является первым и самым важным знаком уважения по отношению ко всем присутствующим на чайном действе. Он, как визитная карточка, сообщает собеседнику имя его визави. Отсутствие герба показывает, что человек остается инкогнито, и не доверят окружающим, не желая идентифицировать себя.

И мужчины, и женщины обычно надевают кимоно с одним гербом. При согласовании со всеми участниками церемонии можно надеть и кимоно с тремя гербами. Одежду с тремя гербами используют чаще всего для «тядзи» и «хацу кама». Для «ооёсэ», по согласованию с хозяином и другими гостями, можно надеть кимоно без герба. Для официальных церемоний герб должен быть белым на основном фоне одежды (сомэ-нуки мон). Для всех остальных случаев подходят вышитые гербы или окрашенные в другом стиле. Мастера говорят, что выбирая одежду для чайной встречи каждый ее участник должен проникнуться чувством уважения и благодарности друг к другу. Своим внешним видом хозяин будто говорит: «Спасибо, что нашли время посетить наш дом». И гость будто отвечает: «Я искренне приму то удовольствие, которое вы собираетесь нам подарить».

С октября по май включительно надевают кимоно на подкладке (авасэ). На самом деле, такое кимоно подходит для любого сезона, т.к. считается наиболее официальным. В июне и сентябре можно надевать кимоно без подкладки (хитоэ), а в июле и августе – кимоно из шелкового газа (ро, ся, сараса).

Мастера считают, что летний сезон особенно важен, потому что позволяет ощутить все нюансы изменения природы и выразить это в использовании разных кимоно из разных тканей.

Самой предпочтительной тканью для кимоно является шелковый креп (тиримэн). Для хитоэ используют те его разновидности, которые хорошо держат форму, потому что нет подкладки. Окрашенное кимоно, с росписью или без, имеет более высокий статус, чем с вытканым орнаментом, поэтому последнее можно надевать только на тренировки, а для официальных чайных встреч не подходит.

Для женщин существует три основных видов кимоно: однотонное (иро-мудзи), платье для посещений (хомонги) и нарядное (цукэсагэ). Мастера рекомендуют к одному кимоно иметь три подходящих по цвету пояса: пояс с традиционным орнаментом по всей длине с двух сторон (фукуро-оби), пояс с традиционным орнаментом на половине длины и только с одной стороны (нагоя-оби) и пояс с фантазийным орнаментом (осярэ-оби). А так же несколько видов аксессуаров – обиагэ и обидзимэ. Пояс завязывают бантом «тайко», самым простым и самым любимым среди японских женщин. Существует несколько его разновидностей, но многие предпочитают классический бант в виде своеобразной подушки.

Иро-мудзи. Однотонное кимоно с одним гербом является универсальным, оно имеет очень высокий официальный уровень, подходящий для всех видов чайной церемонии, для тренировок и для любых случаев жизни.

Хомонги и цукэсагэ отличаются друг от друга тем, что первое сначала кроят и затем расписывают, а второе сначала расписывают и затем кроят. В результате этого на хомонги орнамент совпадает на швах, а на цукэсагэ узор может не совпадать.

Кроме этого есть еще два вида кимоно, которые можно использовать для чайной церемонии. Кимоно с чрезвычайно мелким орнаментом (эдокомон) имеет такой же уровень официальности, как и однотонное. Кимоно с мелким и средней величины орнаментом (комон) можно надевать на «ооёсэ» и на тренировки.

Цвет и орнамент должны соответствовать сезону и обстановке чайной комнаты. Принципы ваби и саби, на которых строится все чайное действо, предполагают естественность и природный колорит. Цвета выбирают сдержанные, естественной гаммы, какие получаются при окрашивании ткани натуральными красителями. Предпочтительно, чтобы в одном кимоно сочеталось не более трех основных цветов, чтобы не было ощущения пестроты, которая отвлекает внимание.

Чаще всего кимоно украшают цветочным узором. Изображенные цветы должны предварять сезон их цветения в природе на несколько дней. Так проявляется душевное слияние с природой, предвкушение и готовность насладиться грядущим сезоном. Считается, что узор хризантем уместен для любого сезона, но, конечно же, они лучше подходят к осени. Орнамент с камелиями, наоборот, избегают, потому что чаще всего камелии используют для составления цветочной композиции в чайной комнате. Когда одновременно присутствуют два одинаковых объекта, один живой, другой рукотворный, то оба они теряют свое очарование и нельзя по-настоящему насладиться ни одним из них.

На церемонию нельзя надевать украшения – кольца, браслеты, серьги и броши для поясов (обидомэ). С одной стороны, использование драгоценностей не соответствует принципам ваби и саби, с другой – металл может повредить чайную утварь, которая часто бывает старинным произведением искусства.

Мужчинам выбрать себе подходящую одежду немного проще. Безусловно, они тоже следуют строгим правилам сезонности, уважения к хозяину и гостям и т.д., но в мужском гардеробе для чайной церемонии может быть гораздо меньше вещей, чем полагается женщинам: кимоно, пояс (какуоби) и штаны (хакама).

Правила выбора вида кимоно в зависимости от месяца года для мужчин такие же, как для женщин. Цвет тоже выбирают в соответствии с сезоном, так чтобы он гармонировал с цветом одежды гостей, утвари и чайной комнаты. Так как мужская одежда обычно без орнамента, то им приходится обращать внимание только на качество ткани.

На официальные церемонии «тядзи» и «хацукама» (новогодний) мужчины надевают кимоно из ткани под названием «о-мэси».

Это была любимая ткань тринадцатого сёгуна Токугава Иэнари, поэтому она получила название с префиксом вежливости.

Нити отбеливают, размягчают и красят перед ткачеством, что делает ткань более качественной, мягкой и придает ей мягкий жемчужный блеск. На таком кимоно изображают один или три герба. Подвязывают его поясом с традиционными орнаментами. Чаще всего это орнаменты, скопированные со старинных китайских тканей. Их называют «мэйбуцугирэ» - «знаменитые лоскуты». Поверх надевают штаны-хакама в полоску, такой орнамент обязателен в официальных случаях.

Кроме этого, мужчинам позволяется надевать на чайную церемонию, иногда даже на официальную, кимоно из ткани «цумуги». Это особый вид шелковой ткани, изготовленный из нитей, которые получают из коконов-двойняшек.

Когда кокон формируется вокруг двух личинок вместе, две нити спутываются и образуются узелки. Эти узелки остаются видны и на ткани. Такая ткань сначала считалась бракованной, но затем она приобрела очень высокий статус, особенно в мужском костюме.

На церемонии «ооёсэ» мужчины могут надевать кимоно с гербами и без, подходящего сезонного цвета и из любой разрешенной ткани. Хакама для таких встреч тоже гораздо проще, однотонные, иногда даже дозволено надевать хакама с вытканым узором.

Несмотря на большую простоту мужского костюма, в нем присутствует много возможностей проявить изысканный вкус и элегантность.

В мужском костюме особое внимание уделяется подкладке и нижним слоям одежды. Изнаночную сторону кимоно часто украшают изысканным символическим орнаментом. И нижние кимоно изготавливают из узорчатой ткани с растительными мотивами, что помогает мужчинам ощутить единение с природой.

Ольга Хованчук